

Часть I

Анатомия коллаборационизма и предательства во Второй мировой войне: искажение исторической действительности

**Решетников Леонид Петрович, кандидат исторических наук,
директор Российского института стратегических исследований**

Любовь к Родине оказалась сильнее классовой ненависти (к вопросу о позиции белой эмиграции во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)

За последние десятилетия среди российской общественности, в публицистике и, в определённой степени, в исторических исследованиях сложилось мнение, что подавляющее большинство белых эмигрантов после нападения фашистской Германии на Советский Союз оказались в стане Гитлера. Когда говорят о противниках такого выбора, то указывают лишь на отдельных «инакомыслящих» (А. Деникина, И. Бунина, С. Рахманинова и др.) да на некоторых участников движения Сопротивления во Франции. Данный подход сформировался благодаря многолетнему влиянию советской пропаганды, как правило, избегавшей серьёзного анализа такого явления, как эмиграция. После 1991 г. в пылу развенчания коммунистического прошлого нашей страны, возвращения незаслуженно забытых имён и событий большое внимание стало уделяться тем эмигрантам и организациям, которые последовательно вели активную борьбу со «сталинским режимом». А ведь именно из этой среды вышли те, кто в той или иной степени сотрудничал с фашистами в войне против СССР.

Вместе с тем ряд исследований российских и зарубежных авторов, анализ архивных документов и воспоминаний позволяют с уверенностью опровергнуть тезис о том, что русская белая эмиграция чуть ли не вся поддержала Гитлера.

Вопрос о выборе между СССР и Германией начал обсуждаться в эмигрантской среде с середины 1930-х гг., после прихода Гитлера к власти, когда стало крепнуть ощущение надвигающейся войны. Характерна в этом смысле дискуссия, возникшая в 1936 году на страницах русской зарубежной прессы между военным историком А. Кернсовским и генерал-майором М. Скородумовым. Говоря о проблеме участия белых офицеров в вооружённых конфликтах в различных странах, Кернсовский восклицал: «Когда наконец мы поймём, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские «огненные кресты», немецкие наци и итальянские фашисты — такие же враги для нас, русских эмигрантов, и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты?» На это генерал отвечал: «Пускай сперва подохнут

все большевики, а потом при первом же случае мы поговорим и всё припомним иностранцам...»

Надежды генерала Скородумова использовать (!) Германию для освобождения России от гнёта большевизма выглядели по меньшей мере наивно. Выдающийся русский философ И. А. Ильин в письме крупному русскому писателю И. С. Шмелёву 10 октября 1938 г. писал: «Я покинул страну моего прежнего пребывания [Германию. — *Прим. авт.*] совсем... Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только предателей и своих агентов». Скородумов, находясь во власти идеи беспощадной борьбы с большевиками как врагами России, не смог или не захотел понять то, что понял И. Ильин. В результате в сентябре 1941 г. организатор только что созданного на оккупированной фашистами территории Югославии Русского охранного корпуса (РОК) генерал-майор Скородумов за «вольные речи» о возрождении национальной России был отстранён немцами от командования и арестован гестапо. После нескольких недель, проведённых в тюрьме, он до середины 1944 г. зарабатывал себе на пропитание сапожным ремеслом в Белграде. Только когда поражение Германии стало неизбежным, немцы отказались от своих претензий к генералу, и тот записался рядовым в Русский охранный корпус, чтобы разделить судьбу тех, кого он привёл под чужие знамёна. Ведь в 1941 г. определённая часть военной эмиграции, прежде всего в Югославии и Болгарии, разделяла иллюзии Скородумова.

Большинство эмигрантов все годы между двумя мировыми войнами жили с мыслью, что им ещё придётся с оружием в руках бороться с большевиками. Понимая, что самим с советской властью им не справиться, и помня, как англичане и французы предали Белое движение в годы Гражданской войны, эмиграция строила планы в расчёте на «возрождающуюся» после Версаля Германию. При этом, как вспоминал один из эмигрантов, «мало кто вдавался в «подробности» и пытался разобраться в сущности гитлеризма и его реальных устремлениях».

Предупреждения идейного вдохновителя Русского общевоинского союза (РОВС) И. Ильина из-за его бегства из Германии, запрета швейцарских властей

заниматься политической деятельностью и начала Второй мировой войны доходили эпизодически и далеко не до всех. Многие в РОВС даже не знали о том, что нацисты преследовали Ильина за «христианскую» точку зрения, отказ от участия в подготовке похода на Россию и антисемитских выступлениях, за решительный отказ поддержать идею независимости Украины» (из письма И. Шмелёву, 1938 г.).

Недооценка опасности немецкого фашизма в результате непонимания его глубинной сути, разочарование, утрата многолетних надежд на то, что западные демократии помогут белым в борьбе с большевизмом, подтолкнули на первых порах к сотрудничеству с гитлеровской Германией и таких русских патриотов, как жёсткий «имперец» И. Л. Солоневич. Он почти два года сотрудничал с пропагандистским аппаратом Геббельса и лишь в июле 1941 г., насмотревшись на фашизм в действии и убедившись, что Гитлер не только не собирается освобождать Россию от коммунизма, но готовит её фактическое уничтожение, заговорил о бессмысленности прямого участия русских эмигрантов в походе немцев на восток. В результате — одномесячная «профилактика в гестапо» и ссылка в деревню в Померании до конца войны.

В одной из своих статей 1945 г. И. Ильин восклицал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они враги России, презиравшие русских людей последним презрением... Коммунизм в России был для них только предлогом, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался антикоммунизмом... Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?»

Но часть эмиграции, хотя и меньшая, всё же сочувствовала. Ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что нельзя забывать: это были изгнанники, горячо любившие свою Родину и ненавидевшие поработителей России — большевиков. Эта ненависть мешала разграничить интересы Отечества и интересы политического режима, понять, что в 1941 г. речь шла не о судьбе советской власти, а о судьбе России. Конечно, линия Сталина в предвоенные годы, сместившая акценты в пропаганде с советского, социалистического патриотизма на общерусский, была эмиграцией замечена и думающей её частью осмысливалась. Ещё в декабре 1939 г. в отчёте Дирекции полиции болгарского города Шумена указывалось, что в среде русских эмигрантов «всё более укрепляется убеждение, что СССР национализировался и его режим ощутимо двинулся вправо, перестав быть большевистским».

Нападение Германии на Советский Союз, призыв Сталина к защите Родины, а не только социализма, объявление начавшейся войны войной Отечественной способствовали тому, что, как отмечается в документах службы безопасности марионеточного профашистского режима в Сербии, «среди русских

усилились настроения в пользу Советов». А в отчёте руководства болгарской полиции подчёркивается, что «те из эмигрантов, кто ещё вчера были самыми большими противниками коммунизма... сегодня стали самыми заклятыми врагами Германии и в глубине души молят Бога за успех русского оружия». Вместе с тем результаты первых месяцев боёв (Красная армия стремительно отступала, солдаты и офицеры десятками тысяч без серьёзного сопротивления сдавались в плен, население оккупированных территорий в немалой своей части чуть ли не приветствовало немцев) мешали закрепиться вышеуказанным настроениям, давали аргументы тем, кто утверждал, что Германия несёт освобождение русскому народу.

Сколько же эмигрантов и их взрослых детей пошли в формируемые гитлеровцами «русские части»? Анализ разрозненных данных позволяет с определённой долей уверенности говорить, что речь идёт примерно о 30% способных носить оружие эмигрантов в возрасте от 18 до 60 лет, проживавших в оккупированных немцами или союзных им странах.

Одним из наиболее массовых формирований был Русский охранный корпус, созданный к 12 сентября 1941 г. на территории Югославии. Успех мобилизации эмигрантов в РОК объяснялся прежде всего надеждой, подогреваемой его организатором генералом Скородумовым, что корпус двинется в освободительный поход и станет основой будущей русской национальной армии. Свою роль сыграло и увольнение марионеточным режимом генерала Недича всех русских эмигрантов с государственной службы.

В некоторых исследованиях и в мемуарах корпусников утверждается, что через РОК прошло свыше 16 тыс. белых эмигрантов. Скорее всего, эта цифра завышена за счёт добровольцев из Молдавии, Буковины и советских военнопленных. По-видимому, можно говорить о 12–13 тыс. человек. До сентября 1944 г., т. е. в течение трёх лет, корпус нёс в основном сторожевую службу, охраняя железные и автомобильные дороги, склады и т. п., освобождая немецкие войска для боёв на Восточном фронте. Столкновения с партизанами Тито хотя и носили ожесточённый характер, но, как правило, были кратковременными и не масштабными. За три года РОК потерял 282 человека убитыми и 494 ранеными. Значительно больше было дезертиров (468) и уволенных по болезни и рапортам (1870). Сведений о массовых эпидемиях в корпусе в этот период нет. Очевидно, многие из указанных категорий корпусников переосмыслили происходящее и под различными предлогами или совсем без них покинули РОК. Ведь настроения, которые всё более охватывали русскую эмиграцию, не могли обойти и служивших в корпусе. О существовании таких настроений говорится в докладе директора варненской областной полиции за февраль 1943 г.: «После Сталинграда русские во вверенной мне области всё более начинают отождествлять большевистские войска с русской армией».

К сентябрю 1944 г., т. е. к моменту выхода Советской армии к границам Югославии, число не желающих воевать на стороне немцев значительно возросло. За шесть месяцев из РОК дезертировали 480 человек, уволены по болезни и рапортам 1587, пропали без вести 2002 (это при 734 убитых и 2478 раненых). Если на 12 сентября 1944 г. в корпусе состояло 11197 человек, то на 12 мая 1945 г., т. е. к моменту капитуляции страны, осталось около 4500 человек. Все эти данные опровергают утверждения, что те, кто решился на сотрудничество с немцами, были якобы совершенно уверены в правоте своего выбора. Это неправда, многие сомневались и уходили из РОК. В большинстве своём это были офицеры царской и белой армий, известные деятели эмиграции (князь Д. Мещерский, П. Павчинский, С. Чернорубашкин и др.). Многие из них вернулись домой в освобождённые Советской армией Югославию и Болгарию, полагая, что ни в чём не провинились перед родиной, так как не участвовали в боях с советскими войсками.

Другая заметная группа эмигрантов (из казачества) находилась в составе так называемого «Казачьего стана», сформированного Красновым и Шкуро под контролем немцев. Часть из них побывали на Восточном фронте, однако в 1943 г. «Казачий стан» в полном составе был переброшен в Италию для несения охранной службы. Гитлер не хотел, чтобы русские части воевали на советско-германском фронте под лозунгом освобождения России от господства большевизма. У него в отношении нашей страны были совсем другие планы: речь шла не об освобождении, а об уничтожении России как самостоятельного государства. Поэтому и Русскому охранному корпусу, и «Казачьему стану» отводилась роль обыкновенных пособников немецких фашистов на оккупированных территориях европейских стран, несмотря на по меньшей мере наивное желание эмигрантов, находясь на немецкой стороне, быть полезными Родине.

«Многие наивные русские эмигранты, — писал И. Ильин, — ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: враг моего врага — мой естественный единомышленник и союзник. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощадным врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий».

Иллюзии эмигрантов, ставших на путь сотрудничества с Гитлером, во многом объяснимы. В большинстве случаев это были офицеры-службисты, выпускники кадетских корпусов, станичники. Для них слово отцов-командиров значило очень много. А те — генералы Краснов, Шкуро, Абрамов, Вдовенко и другие — за долгие годы эмиграции «заигрались» в политику, запутались в связях с иностранными спецслужбами, в своих собственных амбициях и подтолкнули часть эмиграции к ошибочному шагу.

Основная часть эмигрантов, способных носить оружие, заняли позицию неучастия в войне (при-

мерно 60%). Как подчёркивал И. Ильин, «есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права, или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения интереса моей родины и экономии её сил. В таких случаях показывается нейтралитет».

Безусловно, такая позиция означала отказ от поддержки воюющих сторон какими-либо действиями, но симпатии выражались по нарастающей только в отношении одной из них — Советского Союза. Как отмечалось в отчёте Дирекции полиции Болгарии за август 1943 г., это объяснялось во многом тем, что «эмигранты помнили о своём русском происхождении, русские радуются победам Красной армии даже тогда, когда боятся большевизма».

Не записываться в Русский охранный корпус, не участвовать в прямых действиях, направленных против Советского Союза, призывал и видный деятель Русской православной зарубежной церкви, глава русских церковных приходов в Болгарии, человек подвижнической жизни архиепископ Серафим (Соболев). Многих прихожан удержал он от шагов, уводивших на путь коллаборационизма, пособничества врагам России. Эмигранты, не согласившиеся сотрудничать с немцами, в той или иной степени были, конечно, противниками советской власти, но в то же время и истинными патриотами своей Родины. Они проявили интерес к генералу Власову, к его «воззванию» от 6 февраля 1943 г. записываться в Русскую освободительную армию (РОА), чтобы свергнуть диктатуру Сталина. Однако активная работа немцев и их пособников в этом направлении результатов практически не дала — в Сербии, по оценке маршала Власова, «отклик был очень слабый», в Болгарии призыву Власова «поддались лишь единицы». Болгарская Дирекция полиции сделала вывод, что эмигранты «не смогли понять сущности власовского движения». Говоря другими словами, они не верили в идейный антибольшевизм Власова, в его возможности быть хотя бы автономным от гитлеровцев.

Небольшая часть эмиграции (1–1,5%) с началом Великой Отечественной войны включилась в движение Сопротивления на стороне коммунистов. Это были прежде всего дети белых эмигрантов, выросшие в Югославии, Болгарии, Франции и других странах, попавшие под влияние левых идей. Но были среди них и идейные противники коммунистической идеи, вступавшие в коммунистические партизанские отряды в Югославии, Франции, подпольные организации в Болгарии, исходя из сугубо патриотических и антифашистских убеждений. К тому же коммунисты в оккупированной гитлеровцами Европе были наиболее боевой и массовой частью движения Сопротивления. Не менее 100 человек из числа белых эмигрантов работали в странах Восточной Европы на советскую разведку (минимум столько же — на разведки стран

Антигитлеровской коалиции), около 500 сражались в партизанских отрядах и подпольных группах в Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии, Бельгии, Италии. Отпрыск знаменитого аристократического рода, известный в последующем учёный-филолог Илья Голенищев-Кутузов воевал в партизанском отряде И. Тито, прошёл через гестапо и концентрационный лагерь.

В исторических исследованиях совсем незначительное внимание уделяется тем, кто принимал участие в борьбе с фашизмом в армиях Франции, Великобритании, США или в Сопротивлении некоммунистического толка. А это заметная группа эмигрантов и их взрослых детей — до 10% лиц призывного возраста. Только во французской армии сражались около 3000 человек. В боях в Северной Африке и Нормандии погибли свыше 250 эмигрантов. Есаул Войска Донского, замечательный поэт русского зарубежья Николай Туроверов, четырежды раненный на фронтах Гражданской войны, в годы Второй мировой был капитаном французской армии. Он героически сражался в Северной Африке, был тяжело ранен, награждён боевым французским орденом. Активным участником голлистского движения Сопротивления в Париже

стал командир 9-й Донской бригады генерал-майор Фёдор Марков, потерявший во время исхода Белой армии из России жену и четырёхлетнего сына. Таких примеров немало.

В целом русская эмиграция в годы Великой Отечественной войны сделала нравственный выбор. Нельзя было ожидать, что вся она, как один, волеётся в ряды коммунистического Сопротивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза. Слишком много крови и несчастий принесла им советская власть, слишком тяжелы были воспоминания о Гражданской войне, потере родных и близких, отчего дома, жизнь в изгнании. Но эмиграция в большинстве своём сумела увидеть в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным ей коммунистическим режимом, а войну на уничтожение горячо любимой Родины. Как писал И. Ильин: «Гитлер пытался бороться и с коммунистами, и с русским народом». Большинство это поняли и не пошли за фашистской Германией. Лишь меньшая часть эмиграции приняла её, говоря словами Ильина, за «друга и культурного освободителя» и «жестоко за это поплатилась. Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты».

¹ Архив Југоспа ВНЈН. Рат и промене у животу руса у Београду. Документа. 2008.

² Бялата емиграция в България. София : ИК Гуттенберг, 2001.

³ Белоэмиграци ау Југоспа ВНЈН. 1918–1941. Београд : ИСИ, 2008.

⁴ Волков С. В. Русская военная эмиграция. М.: Русский путь, 2008.

⁵ Ильин И. А. Наши задачи. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1.

⁶ Ильин И. А. Переписка двух Иванов. 1935–1946. Собр. соч. М. : Русская книга, 2000.

⁷ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М. : Русский путь, 2005.

⁸ Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция. 1920–1950 гг. М. : Русский путь, 2008.

⁹ Окорочков А. Русские добровольцы. М.: Яуза, 2007.

¹⁰ Решетников Л. П. Русский Лемнос. М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 2009.

¹¹ Русский Белград. М.: МГУ, 2008.

¹² Русский корпус на Балканах во время 2-й Великой войны. 1941–1945. Нью-Йорк: Наши вести, 1963.

Кузнецовский Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РИСИ

Почему фальсифицируется история Второй мировой?

История попыток «исправить» результаты Второй мировой войны, чтобы приуменьшить вклад Красной армии в победу над гитлеровским фашизмом, насчитывает немало лет. Так, уже в конце 1960-х гг. прошлого века кто-то «спустил курок», и в западных средствах массовой информации начала разворачиваться кампания пересмотра Потсдамских соглашений. В частности, западные газеты заговорили о необходимости пересмотра границ по Одере-Нейсе.

Однако тогда эта кампания натолкнулась на жёсткий отпор не только со стороны Москвы, но и со стороны Ватикана, поскольку речь зашла о за-

падных границах Польши. Папа римский Пий ХХII занял тогда бескомпромиссную позицию в вопросе о неприкосновенности западных границ Польской Народной Республики. Эту атаку со стороны Запада удалось отбить, а затем последовала встреча в Хельсинки, завершившаяся подписанием Заключительного акта о безопасности и сотрудничестве в Европе, в котором говорилось о «вечном» закреплении послевоенных границ на континенте.

В новейшее время мировая общественность столкнулась с очередной попыткой пересмотра итогов Второй мировой войны. Суть её заключается

в стремлении доказать народам стран — участниц Антигитлеровской коалиции (да, впрочем, и народу нынешней ФРГ тоже), что во Второй мировой войне не в борьбе за мировое господство схлестнулись-де в схватке два диктаторских режима — Гитлера и Сталина, а противостояла им некая «третья сила», которая выступала якобы за демократическое развитие национальных обществ. В эту «третью силу» инициаторы кампании по пересмотру итогов Второй мировой войны пытаются включить коллаборационистов и национальных предателей, активизировавшихся в Европе в 1938–1945 гг.

Инициатива эта возникла за рубежом, но поддержку нашла и в России. Нашлись и у нас люди, которые запели в один голос с неофитами Евросоюза, выступившими в Парламентской ассамблее Совета Европы с предложением объявить фашистский режим гитлеровской Германии и Советский Союз одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. В поддержку этой идеи в России появились публикации, подвергающие сомнению даже сам характер Великой Отечественной войны как войны справедливой, ставкой в которой была независимость нашей Родины.

К этой дискуссии подключились даже маститые отечественные писатели. Так, известный в советское время Даниил Гранин пришёл вдруг к выводу, что не следовало Красной армии в 1944 г. переходить государственную границу СССР. Надо было, считает он, остановиться на нашей границе: «Немец был уже сломлен. Почему же мы не дали народам самим решать свою судьбу?» А не дали, как пишет Д. Гранин, потому, что советские руководители военного времени страдали проявлением «имперского», советского, «сталинского» мышления. «Михаил Кутузов, — пишет он, — хотел остановить Отечественную войну 1812 г. на том, чтобы изгнать Наполеона за пределы Отечества. Возможно, это и было дальновидностью великого полководца».

Не знаешь, как и реагировать на такой пассаж. У маститого советского писателя, участника Великой Отечественной войны вроде бы напрочь отбило память, и он не помнит, что когда 1 августа 1944 г. эмигрантское правительство Польши отдало из Лондона приказ поднять в Варшаве восстание против германцев, чтобы не пустить Красную армию в столицу, то «сломленный немец» утопил варшавянин в крови. И это при том, что повстанцы по численности вдвое превосходили «уже сломленного немца» (повстанцев насчитывалось 40 тыс. человек, а численность немецкого гарнизона не превышала 20 тыс.). Командование Армии крайовой, по чьему приказу и началось Варшавское восстание, 2 октября 1944 г. капитулировало перед немцами. В ходе восстания погибло более 200 тыс. поляков, а Варшава была полностью разрушена.

Можно привести и ещё один пример. 5 мая 1945 г., уже после взятия Берлина Красной армией, восстание против немецко-фашистских оккупантов

подняли жители Праги. Но и это восстание «уже сломленный немец», пользуясь терминологией писателя Д. Гранина, тоже утопил в крови. И хотя в этот момент в столице на стороне восставших воевали совершенно запутавшиеся в своих политических ориентациях власовцы, это нисколько не помешало немцам методично уничтожать противника. Ночью 6 мая отчаявшиеся повстанцы по пражскому радио обратились к союзным войскам с просьбой спасти людей и город от уничтожения. По приказу Сталина войска маршала И. Конева, совершив марш-бросок почти от самого Берлина, ворвались в столицу Чехословакии и спасли и жизни пражан, и город от разрушения. Так что каким образом оккупированные европейские страны смогли бы «сами решить свою судьбу», если бы Красная армия не вошла с боями в Европу и не добила фашистов в Берлине, — это, по-видимому, известно только писателю Д. Гранину.

Но Гранин не сам придумал этот пассаж — «маститые отечественные историки» помогли. С лёгкой руки ректора Московского историко-архивного института, преобразованного потом в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), доктора исторических наук Юрия Афанасьева (бывшего заведующего отделом органа ЦК КПСС журнала «Коммунист») в российской публицистике давно уже «гуляет» тезис, созвучный гранинскому. Красная армия, как считает Ю. Афанасьев, подойдя в 1944 г. в боях с немецко-фашистскими захватчиками к государственной границе СССР, должна была «встать на этих рубежах, а не продолжать свой поход в Европу», так как после пересечения границы СССР Великая Отечественная война якобы перестала носить освободительный характер, а сразу же превратилась в «захватническую».

В 1996 г. РГГУ под редакцией Ю. Афанасьева даже издал на средства Фонда Форда тиражом в 5 тыс. экземпляров 500-страничный том под названием «Другая война». Во введении к нему Ю. Афанасьев высказал мысль, что пришло время «переосмыслить войну 1939–1945 гг. как события, в значительной мере сформировавшего XX в., подумать иначе и преодолеть традиционные советские представления о роли СССР в мире на протяжении всей его истории с 1917 года». «Ведь с началом похода в Европу в 1944 г., — пишет историк, — цели, а с ними и характер войны, очевидно, снова существенно изменились, и с этого момента её вряд ли можно именовать народной, освободительной. Всё это вынуждает переосмыслить роль Советского Союза в мировой истории XX в.». В свете этого, как считает «маститый отечественный историк», у нас «остаётся мало действительных поводов для празднования победы». Лукавит, конечно, Ю. Афанасьев: не было в эти годы никакой «другой войны». Была одна война — Великая Отечественная, и была Победа. И была заплачена за эту Победу немислимо высокая цена.

Казалось бы, всё здесь давно уже ясно и спорить-то не о чем: история давно уже расставила окончательные акценты в этих событиях. Однако выясняется, что всё — да не всё.

Вот, например, польские официальные лица словно забыли, что в 1945 г. Красная армия ценой жизни 600 тыс. советских солдат освободила их страну от фашистской оккупации и открыла глазам всего мира нацистские лагеря смерти на её территории — Освенцим, Майданек, Собибор, Трешлинка и др. Сегодня они публично выражают сожаление, что «не те» солдаты их освободили. Надо бы, конечно, чтобы газовые печи, сжигавшие людей на территории Польши, остановили свою адскую работу, но вот сделать это должен бы кто-то другой, не Красная армия. На вопрос «Кто?» поляки не отвечают, но имеются в виду, конечно, армии западных союзников СССР.

Поляки словно бы не понимают, что если бы не советские солдаты, то их как нации, скорее всего, просто не осталось бы в Европе, так как ни английская, ни американская армии разгромить фашистский вермахт были не в состоянии. Да нет, всё они понимают и ничего не забыли. Но тогда почему появляются утверждения, что роль Красной армии в разгроме германского фашизма была весьма скромной? Почему в речах польских официальных лиц и в прессе западноевропейских стран из всех сил умалется роль Красной армии и непомерно превозносятся успехи англо-американских войск?

Да только ли поляки стремятся исказить, а по сути-то — фальсифицировать, историю всей Второй мировой войны? Хватает таких утверждений и в российской прессе. Вот заместитель главного редактора газеты «Время новостей» Семён Новопрудский пишет, что во время Великой Отечественной войны «защита власти и защита Родины — принципиально разные вещи». Да, советский народ победил в той войне, но только власть, по его мнению, «тут совершенно ни при чём». Более того, «защита преступной власти — вовсе не патриотизм и не уважение к истории. Это ошибка, часто граничащая с преступлением.

Получается, что в Великой Отечественной войне солдатам, с оружием в руках сражавшимся с гитлеровским вермахтом, следовало ежечасно и ежеминутно оценивать, в каких случаях они защищают свою Родину, свои семьи, родных и близких, многим из которых Гитлер уготовил печи Освенцима, а в каких случаях — советскую власть. Здесь что-то, по-моему, с логикой не всё в порядке.

Вопрос, почему в европейских странах постоянно муссируется недоверие к России, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Посмотрите на карту Европы — десятки стран ютятся на небольших клочках земли от побережья Атлантического океана до границ Белоруссии и Украины, постепенно прижимаясь к огромной территории под названием Россия, распростёршейся на

двух континентах — европейском и азиатском. Впечатление такое, что все эти небольшие по территории государства тесно прижаты к жёсткой платформе, абсолютно не поддающейся эффекту сжатия.

А ведь у них там, в Европе, хватает и своих собственных проблем. Та же Германия постоянно испытывает дискомфорт от недостаточного, как ей кажется, жизненного пространства и потому постоянно стремится расширяться на восток (лозунг «*Drang nach Osten*» веками присутствовал в политике немецких княжеств). А на востоке лежала Польша. Постоянно уступая немецкому давлению, она всегда стремилась избежать его и сместиться от этого давления опять-таки на восток, в сторону России, которая этому расширению никогда не позволяла стать реальностью. Конечно, тот факт, что Польша расположена между двумя такими активными самодостаточными нациями, как немцы и русские, — это объективная геополитическая реальность. Вот веками и делят между собою Германия и Россия польское геополитическое пространство. А Господь к тому же награждает поляков сверхамбициозным характером, который постоянно толкает их на расширение своего географического ареала то на север, в Литву, то в сторону востока.

По отношению друг к другу небольшие европейские государства живут, как в коммунальной квартире: хоть и не нравится жить рядом, но выхода иного нет и не предвидится. А вот рядом с огромной Россией, как часто они сами признаются, существовать жутковато: даже если она просто глубоко вздохнёт — в Европе заборы валяются.

Может в такой ситуации возникнуть доверие между Европой и Россией? Сложный вопрос. Приведу одну аналогию совсем из другой сферы.

Я по первой своей профессии — геологоразведчик. Заканчивал геолого-разведочный техникум в 1950-е гг. и водил поисковые отряды по сибирской и дальневосточной тайге. И вот однажды на Камчатке мне довелось наблюдать такую ситуацию.

Ездовых собак там с наступлением зимы, да и в межсезонье, кормят сушёной солёной рыбой — юколой. Каюр раздал всей упряжке рыбу, каждая собака схватила свою долю и, отбежав в сторону, начала есть. Но умный вожак догадался, что юколу можно вымочить в протекавшем неподалёку ручье, и она не только станет менее солёной, но и более мягкой. Он схватил свою рыбину, бросил её в ручей и стал ждать, когда она вымокнет. Другие собаки это увидели (а вожак — он потому и вожак, что умнее других) и начали в точности копировать его действия. И что интересно, каждая стремилась бросить свою рыбину в воду как можно ближе к вожаку. И вот сидят они друг возле друга и скалятся: ни один пёс не доверяет другому, и каждый охраняет собственную рыбину.

Ту собачью компанию на Камчатке напоминают мне европейские страны: никто никому не доверяет, но все вынуждены терпеть присутствие соседа.

Но это — собаки, члены одной упряжки. А если бы рядом с ними у ручья уселся медведь, который в несколько раз больше и сильнее любой из них?

Так вот, Россия для всех европейских стран — тот же медведь, которого до ужаса все боятся, не доверяют, и потому постоянно стремятся на любой основе объединиться, чтобы сообща ограничить его силу и мощь.

Мы в России должны понимать природу этого извечного недоверия к себе.

Где же выход? Может ли что-нибудь измениться в этом плане?

Думаю, что кардинально ничего измениться не может. И через 50 лет будет всё то же самое. И даже если Третья мировая война в Европе начнётся, то и в этом случае Польша, к примеру, всё равно останется лежать между двумя жерновами — Германией и Россией, и эти две страны рано или поздно по старой традиции в какой-то момент могут вновь начать делить между собой надменных ляхов и прибалтийских лимитрофов.

И сколько бы ни пыталась Москва установить нормальные доверительные отношения с Европой, фактор недоверия, похоже, всегда будет иметь место. Оно, это недоверие к нашей стране, складывалось веками. Показательным примером в этом плане служит инициатива России по формированию международного механизма энергетической безопасности.

Когда в 2004 г. ФРГ уступила Москве свою очередь на проведение заседания стран «Большой восьмёрки», президент В. Путин выдвинул идею обсудить в 2006 г. на саммите в Санкт-Петербурге перспективы создания международной системы энергетической безопасности для упорядочения снабжения европейских стран энергоносителями. В осуществление этой идеи Россия готова была пойти на беспрецедентные уступки европейским потребителям российского природного газа.

Европейцы на ура восприняли саму идею, но истолковали её весьма своеобразно. Евросоюз предложил Москве подписать разработанную в Брюсселе Европейскую энергетическую хартию и Протокол о трубопроводах к ней. Согласно этим документам Евросоюз получал право приобретать в собственности часть российских нефтяных и газовых месторождений, а также нефте- и газопроводов. Но Москва при этом симметричного права приобретать активы европейских нефте- и газовых компаний не получала.

Требование Москвы предоставить ей равные условия Брюссель категорически отказался даже рассматривать. Западноевропейские средства массовой информации оказали очень жёсткое давление на российское правительство, требуя ратификации хартии российским парламентом. В Москву зачастил с визитами председатель Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу. В результате Россия была вынуждена отказаться от идеи создания системы энергетической безопасности из-за попыток Евросоюза толковать её в явно дис-

криминационном ключе и не стала ратифицировать ни хартию, ни протокол к ней. Итогом такой европейской политики стал газовый кризис 2007–2009 гг.

Нечто подобное происходит в Европе и в ходе подготовки к празднованию 65-летия Победы над гитлеровской Германией. Основная причина — возникшее в последнее время у европейцев стремление пересмотреть итоги Второй мировой войны в сторону умаления роли СССР в разгроме гитлеровской Германии. Им, похоже, хочется убедить себя и весь остальной мир, что не Россия (СССР) сыграла решающую роль в разгроме гитлеризма. Если вслед за ними Гранину и Афанасьеву удастся убедить российское общественное мнение в том, что и Великая Отечественная война с определённого момента стала носить не освободительный, а «захватнический» характер, то можно ведь будет и компенсационный счёт России предъявить. Да, собственно, это уже и делается: историки прибалтийских государств даже называют конкретные суммы в долларах, которые наша страна им «должна» за так называемую «оккупацию» их территорий. А если при этом общественное мнение ещё и согласится с тем, что с немцами воевала не только Красная армия, но и некая «третья сила» в лице власовцев, то и совсем хорошо.

Поэтому нельзя молчать, когда публично пытаются фальсифицировать нашу историю, доказывая, что главными героями Великой Отечественной были не советский солдат и офицер, а отщепенцы вроде генерала Власова. А нас ведь именно в этом и пытаются убедить. Чего стоит, например, заявление Синода Русской православной церкви за рубежом от 9 сентября 2009 г., в котором генерал Власов объявлен чуть ли не национальным героем, действовавшим в период Великой Отечественной войны? Или сборник проповедей протоиерея Георгия Митрофанова. Или книжка президента Международного (американского) университета в Москве Г. Х. Попова, который тоже называет А. Власова несостоявшимся национальным героем и предлагает поставить в Москве общий памятник ему и академику Сахарову.

Между тем, если уж говорить о подлинной истории Второй мировой — а для нас Великой Отечественной — войны, то начинать надо с самого простого — с констатации очевидного.

Есть события мирового значения, которые никто ни в мире, ни в Европе оспорить не может. Назову только два, но самых значимых.

Первое — 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия внезапно и вероломно, нарушая все двусторонние договоры, соглашения и международные правила, напала на Советский Союз.

Второе — 2 мая 1945 г. войска Советской армии штурмом взяли рейхстаг — сердце самого человечески-ненавистнического в истории цивилизации политического режима, а глава этого режима — Гитлер — 30 апреля покончил жизнь самоубийством.

Вот две опорные (реперные) точки истории, вокруг которых и следует выстраивать всю триангуляционную линию Второй мировой войны.

И ещё об одном хотелось бы сказать.

Нам не стоит обижаться на попытки фальсифицировать историю XX в. и историю России (СССР). Нужно попытаться понять этих людей, а поняв — выработать свою линию поведения.

К сожалению, наши западные оппоненты, а пуще всего наши бывшие союзники по Варшавскому договору (Польша, Чехия) и советские коллеги из стран Балтии и Украины объективного подхода к исследованию исторической действительности не демонстрируют. Акцент в их фальсификациях действительности делается на, казалось бы, бесприкрытую карту — безудержную критику Сталина. Ничего не скажешь, мишень удобная. Если всё время говорить и писать только о преступлениях, совершённых Сталиным и под его руководством, то очень легко перекинуть мостик к внешней политике СССР как агрессивной державы и представить нашу страну в качестве основного виновника развязывания Второй мировой войны.

Но это-то и есть самая большая фальсификация истории. Преступления Сталина мы давно уже осудили и сами, и мало кто в России оправдывает его действия, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы. На мой взгляд, исчерпывающую оценку этого периода дал 30 октября 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев, который сказал: «...Миллионы людей погибли в результате террора и ложных обвинений — миллионы. Были лишены всех прав. Даже права на достойное человеческое

погребение, а долгие годы их имена были просто вычеркнуты из истории. Но до сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Я убеждён, что никакое развитие страны, никакие её успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий.

Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идёт только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ.

Правда и то, что преступления Сталина не могут умалить подвига народа, который одержал победу в Великой Отечественной войне. Сделал нашу страну могучей индустриальной державой. Поднял на мировой уровень нашу промышленность, науку, культуру.

Принять своё прошлое таким, какое оно есть, — в этом зрелость гражданской позиции».

Эта оценка опирается на опросы общественного мнения, которые год за годом показывают, что около 80% населения России считают, что преступления Сталина следует осудить. Но эти же опросы показывают и то, что люди не хотят, чтобы пресса бесконечно топталась только на этих трагических страницах нашей истории. Нельзя забывать, что в эти же годы и при том же руководстве страны, которое олицетворял тогда Сталин, были достигнуты те успехи, о которых сказал 30 октября президент РФ.

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945 / Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985.

² Другая война. 1939–1945 / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. Известия. 2009. 9 мая.

³ Новопрудский С. Великое отечественное заблуждение // Время новостей. 2009. 2 октября.

⁴ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб., 2009.

⁵ Российская газета. 2009. 31 октября.

⁶ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М.: Международн. ун-т в Москве, 2008.

Отец Дмитрий (Смирнов), протоиерей, председатель Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами

Долг как ответственность перед Богом

Дорогие друзья!

Когда я узнал об этой конференции, мне показалось, что повод для неё слишком незначителен, потому что генерал-лейтенант Андрей Власов уж слишком незаметная фигура на фоне той грандиозной исторической драмы, в которой ему пришлось поучаствовать.

Но с другой стороны — и это относится к такой дисциплине, как политика, — после недавнего соеди-

нения двух ветвей русского православия, которое произошло вопреки очень многим силам, старавшимся этого не допустить, было ожидаемо, что возникнет некое движение против, как некоторая реакция на этот процесс. Потому что, конечно, соединение Русской церкви — событие просто грандиозное: в мире, который всё время делится, вдруг, через океаны, соединяются две части Церкви, выявляется могучая сила любви, всё-таки всё преодолевающая, несмотря ни

на какие, даже серьёзные, противоречия. И очень печально, что фигурой для противодействия этому величественному событию избран Андрей Власов, что опять говорит о мелочности исторического сознания тех людей, которые пытаются даже не клин, а какую-то бритву вставить в некие незначительные щели.

Но раз уж это состоялось, чтобы до конца понять, почему это произошло, приходится углубляться в историю.

Общезвестно, что в фундаменте каждой цивилизации всегда заложены некоторые религиозные истины, зачастую зафиксированные в текстах. И осмысление их народом и формирует то, что уже в дальнейшем именуется культурой, которая всегда основана на религиозных истинах и на культе, возникшем из этих истин. Понятно, что для русского народа эта основа — Евангелие, которое уже тысячу лет формирует наш народ. Хотя не так давно и возникла пауза почти на сто лет, но тем не менее при новой возможности для Церкви заниматься своим главным делом — проповедью Евангелия — русские люди в нём как в зеркале по-прежнему узнают самих себя. Уж, казалось бы, сейчас религия не так влияет на умы, как 200–500 лет тому назад, и тем не менее...

Позволю себе небольшое отступление. Нет такого русского, который не знает сказки под названием «Курочка Ряба». Известно, что после перевода на английский ни один англичанин не может понять, в чём её смысл. Для среднестатистического англичанина в этой сказке его нет. А у русского человека эта сказка каким-то образом формирует его сознание, потому что все русские знают этот текст и любят его. То, что для англичанина бессмысленно, для русского человека оказывается любимой вещью, знакомым с детства текстом.

Теперь о Евангелии. В Евангелии одно из главных событий — предательство Иуды. И то, что мы, русские, думаем о предательстве, имеет корни именно в евангельских текстах. Чтобы подробно на этом не останавливаться (я думаю, все мы знаем, как это происходило), хочу подчеркнуть генезис предательства, в чём он состоит.

Две вещи обычно формируют предательство: страх и корысть. И если мы будем изучать биографию генерал-лейтенанта Власова, то увидим, что эти хрестоматийные корни предательства целиком и полностью в ней присутствуют. Поэтому как бы ни пытались смягчить ситуацию, возникшую вокруг этого человека, мы никогда от этого не уйдём.

Если вернуться к апостолу Иуде, ведь он — и это совпадение удивительное — тоже был частью апостольской общины, как и генерал Власов был частью Красной армии. Иуда ходил с другими апостолами и исцелял больных, и воскрешал мёртвых, и проповедовал Евангелие (а Власов активно воевал против Гитлера). Но однажды он из ящика, который носил у себя на груди и куда люди опускали пожертвования, взял одну монетку. И с этого момента корысть в нём пересилила и любовь к своему Небесному Учителю, и ответственность перед всей апостольской общиной, что и привело в конце концов к тому, что он предал Учителя и покончил жизнь самоубийством.

С генералом Власовым произошло то же самое. В острый момент его жизни (я не историк, этим вопросом специально не занимался в силу того, что для меня эта фигура мало интересна, хотя, конечно, как все русские люди, люблю книги по истории, особенно про войну), когда у него был выбор, он, мне кажется, просто испугался того, что загубил армию. Ведь Иосиф Виссарионович Сталин, издав указ о том, что каждый сдавшийся в плен подлежит расстрелу, уничтожению как предатель, тем самым отрёкся от своих солдат (поэтому и его тоже можно рассматривать в некотором роде как предателя). И конечно, такого человека, можно сказать, робкого характера, как Власов, это понудило не воспользоваться самолётом, который ему предоставили, чтобы улететь в тыл, поскольку он знал, что там его может ждать смерть. Мы здесь наблюдаем не только страх, но и корысть: а почему бы не послужить немцам и с этого что-то себе ещё получить? Поэтому на мой не очень просвещённый взгляд, генерал-лейтенант Андрей Власов — типичный, архитипичный предатель.

Ковалёв Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Типология коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны

С точки зрения международного права военная оккупация — это временное занятие территории государства вооружёнными силами противника. Сам по себе факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов — она определяется, как правило, мирным договором, заключённым по окончании войны.

Захватив в 1941–1942 гг. западные и юго-западные области РСФСР, нацистская Германия установила

здесь жестокий оккупационный режим. Северо-западные районы РСФСР находились под немецкой оккупацией более трёх лет. Так, Псков был захвачен вермахтом 9 июля 1941 г., а освобождён только 23 июля 1944 года.

Области Центральной России находились под властью нацистов на протяжении почти двух лет. Немцы вошли в Орёл 3 октября 1941 г. (освобождён Красной армией 5 августа 1943 г.), в Брянск — 6 октября 1941 г.

(освобождён 17 сентября 1943 г.), в Курск — 2 ноября 1941 г. (освобождён 8 февраля 1943 г.).

В ходе наступления на Москву германским вооружённым силам удалось захватить Калинин — крупный областной центр, который они удерживали с 14 октября по 16 декабря 1941 года.

На территории Крыма, входившего тогда в состав РСФСР, нацисты хозяйничали с ноября 1941 г. по май 1944 года.

Летом 1942 г. войска фашистской Германии и её союзников перешли в активное наступление на южном участке фронта. 24 июля ими был взят Ростов-на-Дону, 3 августа — Ворошиловск (Ставрополь), 12 августа — Краснодар. Эта территория была очищена от врага в январе-феврале 1943 года.

Для укрепления и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики стремились привлечь «местные кадры». Участие советских граждан в войне на стороне нацистской Германии в СССР поначалу замалчивалось и отрицалось. Газета «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и «пятой колонны», при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребренников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены, как на фронте, так и в тылу, ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооружённую... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...». Ей вторил известный писатель и публицист Илья Эренбург: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев».

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» (*от фр. collaboration — сотрудничество*) объясняется как «изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939–1945)». Но подобную трактовку этот термин стал приобретать уже в годы Первой мировой войны и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену.

Можно согласиться с М. И. Семирягой, который в своём фундаментальном исследовании, посвящённом коллаборационизму в годы Второй мировой войны, писал, что никакая оккупационная армия не может обойтись без сотрудничества с властями и населением оккупированной страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и пр.

Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма. К числу активных коллаборационистов относились военнопленные и гражданские лица, вступившие в ряды германской армии, и полицейские формирования, а также советские граждане, работавшие на предприятиях и в учреждениях оккупационной администрации.

А. Даллин в своей фундаментальной работе о немецкой оккупационной политике в СССР в годы Второй мировой войны уже обратил внимание на основные противоречия, вытекающие из военных целей нацистской Германии и её руководства на востоке. С одной стороны, «завоевание жизненного пространства», а с другой — собственно методы достижения поставленных целей. Даллин, как и многие авторы, занимающиеся данной проблематикой, пришёл к выводу, что без хотя бы пассивной поддержки со стороны населения оккупированных районов СССР у немцев не было реальных перспектив надолго обеспечить господство на занятой территории и гарантировать стабильность собственного тыла.

В нашей стране людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стали называть коллаборационистами лишь в последнее время. В советской исторической науке обычно использовались слова «предатель», «изменник Родины», «пособник». Однако на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

В советской юриспруденции того времени отсутствовало достаточно чёткое определение для деяний гитлеровских оккупантов и их пособников на территории Советского Союза как военных преступлений. К ним следственные и судебные органы, а также юристы отказались применять даже сам термин «преступление», а использовали для обозначения их действий понятия «зверство» и «злодеяние», гранью между которыми, очевидно, была степень общественной опасности и тяжести наступивших последствий.

Поскольку действия, обозначаемые такими терминами, выходили за рамки принятых в советском законодательстве определений деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходимо было выработать правовые основы ответственности за их совершение. Так как злодеяния нацистов «носят характер организованной системы», как отмечал академик И. П. Трайнин, и даже при формальном сходстве их нелегко приравнять к преступлениям, предусмотренным национальными кодексами. Нарушение фашистами законов и обычаев войны он квалифицировал как «военный разбой политических бандитов», за который виновные подлежат суровому наказанию по тяжчайшим уголовным нормам. Таким образом, признавалась необходимость особого регулирования их уголовной ответственности, поскольку действующее законодательство насущным требованиям не отвечало.

Преступления коллаборационистов под действие норм советского уголовного законодательства подпадали. По своему характеру они сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям. Такие дела появились в практике советских судебных органов уже в первые недели и месяцы войны.

Согласно приказу от 15 мая 1942 г. Генерального прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом», советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличённые в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности немецких карательных органов, подлежали ответственности по ст. 58–1 «а» УК РСФСР.

Указом от 19 апреля 1943 г. подобные лица окончательно были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: согласно ст. 1 указа за убийства и истязания гражданского населения они подлежали преследованию наравне с гитлеровцами. Статья 2 была целиком посвящена пособникам из представителей местного населения, уличённым в оказании содействия фашистским злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, и вводила для них кару в виде ссылки на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...» (далее — ЧГК) от 2 ноября 1942 г. среди чудовищных преступлений, виновники которых подлежали уголовной и материальной ответственности во всей полноте, перечислял пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод их в «иноземное рабство»; всеобщее ограбление городского и сельского населения; вывоз в Германию личного, колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры; расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание религиозной утвари. При этом субъектами таких преступлений в этом Указе были названы преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники.

Лишь в инструкции ЧГК «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков» от 31 мая 1943 г. предусматривалась ответственность за военные преступления конкретных физических лиц из числа представителей германских вооружённых сил и оккупационной администрации. При этом должны были выявляться фамилии этих лиц, наименования воинских частей, учреждений

и организаций. Устанавливались также признаки, характеризующие конкретных соучастников военных преступлений в зависимости от их роли: организаторы, подстрекатели, исполнители и пособники.

Следует отметить, что меры уголовного преследования гитлеровских военных преступников и их пособников в Советском Союзе стали осуществляться лишь с середины 1944 года. Поскольку до того времени связанные с этим преследованием вопросы разрешались только в декларативной форме, то выполнение насущных задач в рассматриваемой сфере, как оказалось, могли осуществлять лишь представители карательных органов на местах, имевшие соответствующие властные полномочия. В сложившихся условиях местным руководителям органов борьбы с преступностью не оставалось ничего другого, как самим не только разрабатывать детали процесса расследования, но и квалифицировать в издаваемых служебных руководящих актах признаки деяний гитлеровских захватчиков как преступления.

В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором, как известно, возобладаало обособленное мнение о том, что субъектами военных преступлений являются государство и его организации, на территории СССР в качестве военных преступников рассматривались только физические лица.

Через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны, 17 сентября 1955 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Согласно этому документу амнистия применялась «...в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлечёнными в сотрудничество с оккупантами». Статья 4 данного указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осуждённым за убийства и истязания советских граждан».

В большинстве случаев открытый переход на сторону врага был связан с неверием в победу Красной армии, объяснялся ненавистью к советской власти, мстью государству или конкретным людям за обиду, желанием хорошо и сытно жить в экстремальных условиях нацистской оккупации, сделать карьеру при новой власти (например, новгородским бургомистром стал историк Василий Пономарёв, репрессированный в начале 1930-х гг.). Но были и такие граждане, которые занимали определённое положение и при коммунистах. Так, городским головой города Феодосии стал бывший активный член ВКП(б) Грузинов. О работе этих людей заместитель бургомистра Смоленска Б. Д. Базилевский позднее писал: «В их деятельности было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны членов городского и окружного управлений».

Но не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену или предательство. Если бы это было так, то пособниками гитлеровцев могли считаться все народы оккупированных стран, в том числе и 80 миллионов наших сограждан. Кстати, последний тезис активно муссировался нацистской коллаборационистской прессой, особенно перед отступлением вермахта с той или иной территории.

Современным исследователям истории Второй мировой войны необходимо осознавать, что все эти люди, находившиеся под властью оккупантов, не могли вовсе не взаимодействовать или не сотрудничать с ними, хотя бы ради собственного выживания и сохранения жизни своих близких.

Степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавали и руководители партизанского движения ещё в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

При рассмотрении этой проблемы мы должны учитывать социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к сотрудничеству с оккупантами. В условиях оккупации перед миллионами наших сограждан встала проблема физического выживания. При этом нужно помнить, что в значительной степени речь идёт о стариках, женщинах и детях. Поэтому и природа коллаборационизма как явления не так проста и единообразна.

Формами сотрудничества с оккупантами могли быть различные виды военного, административного, идеологического, экономического, интеллектуального, духовного, национального, детского и полового коллаборационизма.

Причины, толкнувшие наших сограждан на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. Бесспорно, среди них имелась значительная прослойка антисоветски настроенных граждан, которые добросовестно и преданно служили оккупантам.

Коллаборационизм как явление был неоднороден. Люди, осознанно и добровольно перешедшие на сторону врага и с оружием в руках или, используя свой интеллект, воввавшие на стороне Германии против своего Отечества, не могут не рассматриваться как преступники. Однако вряд ли можно называть изменой или предательством в уголовно-правовом или даже нравственном смысле этого слова бытовую коллаборационизм, например размещение на постой солдат противника, оказание им каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и пр.). Трудно обвинить

в чём-либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссейных дорог.

Особого внимания заслуживает судьба миллионов женщин и детей, оказавшихся тогда в экстремальных условиях войны и оккупации.

Гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, не было другого способа добывать средства существования для родных и близких. Нет никаких оснований зачислять в изменники Родины всех военнопленных, так как большинство из них оказались в плену не по собственной воле (особенно в 1941 г.), а в силу не зависящих от них обстоятельств: ранение, окружение, потеря связи со своей частью и пр.

Немцы активно заигрывали с представителями национальных меньшинств, в значительной степени пострадавших от необоснованных репрессий конца 1930-х гг. Поэтому эстонцев, латышей и финнов они считали потенциально союзным населением. Особенно стояли *фольксдойч* — люди, имевшие немецкие корни. Расовая теория нацизма ставила их в привилегированное положение.

Особое место во взаимоотношениях населения и солдат оккупационной армии занимает проблема сожительства русских женщин с немцами. В ней присутствует всё: и случаи изнасилования, и стремление таким образом заработать на хлеб для себя и голодных детей, и даже настоящие романы в духе «Ромео и Джульетты». В 1941 г. все эти факты (кроме, конечно, случаев изнасилования) рассматривались советской стороной как преступления со стороны женщин. Но позднее за это к уголовной ответственности уже не привлекали. Речь могла идти только о морально-нравственной оценке их поведения.

Некоторые жители оккупированных территорий испытывали даже чувство благодарности к немцам и их союзникам за так называемое «освобождение от проклятого ига жидобольшевизма», которое возникло под влиянием масштабной немецкой пропаганды. Накануне Великой Отечественной войны пропагандистская машина фашистской Германии была одной из самых эффективных в мире. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением оккупированных территорий.

Как отмечали позднее участники партизанского движения, фашисты пытались убить в людях, жителях оккупированных районов, веру в возможность победы Красной армии, парализовать волю к борьбе с фашизмом, а также максимально привлечь их на свою сторону. Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им легко удастся внести раскол в советское общество не только благодаря своим успехам на фронтах и умелой пропаганде, но и событиям предвоенных лет: насильственной кол-

лективизации, необоснованным массовым репрессиям, конфликту государства с Церковью.

Активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами во многом была связана с положением на фронтах Отечественной войны. Понятно, что после срыва *блицкрига*, после того как русское население убедилось в человеконенавистническом характере нацистского оккупационного режима и в условиях активизации сопротивления в тылу врага очень многие коллаборационисты пытались как-то искупить свою вину перед своими соотечественниками.

Большая заслуга участников партизанского движения и подпольщиков заключается в том, что они в ходе боевых действий отказались от жёсткого деления общества на «своих» и «чужих». Советское руководство отлично понимало, что лишь при консолидации всех сил возможна победа. У страны был один враг — иноземные захватчики, и их необходимо было уничтожить. Что же касается остальных, то с ними — рабочими, крестьянами, интеллигенцией, священнослужителями, а также с полицейскими, легионерами, власовцами — велась активная разъяснительная работа. Многие из оказавшихся на стороне врага раскаялись и присоединились к борьбе с захватчиками. Те же, кто оставался с нацистами до конца, полностью разделяют их ответственность за кровавые преступления против человечества.

Английский автор Д. Каров, утверждая, что почти всё население Советского Союза ненавидело советскую систему, Сталина и партию и что оно было «вынуждено драться в одном строю вместе со своим грабителем» против немцев, не прав. Обстановка в СССР в то время была гораздо сложнее и противоречивее, чем это ему представляется.

В последние годы изменился подход и к изучению истории Второй мировой войны. Историкам стали доступны закрытые до недавнего времени документы. Всё это позволило по-иному посмотреть на многие события 1939–1945 гг. Иногда они трактуются как столкновение двух тоталитарных систем: Советского Союза и Германии, которые изначально являлись агрессорами. Подобные утверждения ставят под сомнение отечественный характер войны со стороны СССР. Критика порядков, имевших место в годы культа личности Сталина, дополняется сегодня мыслью, что в годы Великой Отечественной войны наше общество оказалось, по сути своей, расколото на два лагеря: союзников фашизма (в лице полицейских, сотрудников «новой русской администрации», легионеров, власовцев, националистов и прочих коллаборационистов) и их противников. Некоторые авторы даже смогли найти в гитлеровской оккупации нашей страны положительные стороны. Так, протоиерей Георгий Митрофанов на страницах официального издания Русской православной церкви «Церковный вестник» в статье «Коллаборационизм

или духовное возрождение» утверждал, что нужно «...объективно оценить значение тех безусловно положительных проявлений религиозной жизни русского народа, которые стали возможными в период немецко-фашистской оккупации».

При рассмотрении вопроса, связанного с различными формами сотрудничества населения России с нацистским оккупационным режимом, исследователь сталкивается с проблемой достоверности имеющихся материалов по данной теме. За последние десятилетия по истории Великой Отечественной войны и, в частности, о положении на захваченной немцами территории, по партизанскому движению написаны сотни трудов. К ним относятся мемуары непосредственных участников событий, воспоминания партийных, советских и военных руководителей, диссертации, монографии и статьи учёных-историков.

К источниковедческой базе следует отнести периодическую печать времён войны, листовки, плакаты, воззвания как с советской, так и с противоположной стороны.

Особый интерес представляют документы, хранящиеся в государственных, ведомственных и личных архивах. Значительная их часть была рассекречена только в середине 90-х гг. XX века. К ним относятся распоряжения, приказы, сводки штабов партизанского движения, опросные листы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), чекистские донесения в Центр о положении на временно оккупированных врагом территориях, архивно-следственные дела и материалы, находящиеся в центральных и региональных архивах управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Невозможно всесторонне исследовать ситуацию на оккупированных территориях без ознакомления с материалами различных немецких и коллаборационистских служб — с документами военных комендантов, городских и районных управ, полиции, образовательных учреждений, церковей, различных организаций, созданных гитлеровцами для более успешного проведения своей политики. К ним также относится переписка нацистов с различными коллаборационистскими структурами, методические разработки и планы работы различных фашистских пропагандистских школ, архивы коллаборационистских газет и журналов.

Достоверность источников во многом связана со временем их появления. В данном исследовании затрагиваются события, имевшие место на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. На начальном этапе войны участники Сопротивления и представители спецслужб не всегда могли дать этим событиям объективную оценку. Такое положение можно объяснить, с одной стороны, их неопытностью и неготовностью к подпольной работе в условиях вражеской оккупации, а с другой — недооценкой пропагандистского потенциала противника. Часто советские агенты боялись посылать в Центр

информацию, которая могла не понравиться их руководству. Однако уже к 1942 г. эта порочная практика была преодолена.

Наибольший интерес представляют те документы советской стороны, которые несут в себе элемент критики источника информации. К ним относятся разведывательные сводки, опросные листы НКВД, материалы допросов или ревизий. Ни в коем случае не преуменьшая значение и влияние советской периодической печати и листовок, нужно признать, что изложенные в них факты (в особенности в начальный период войны) далеко не всегда соответствовали действительности.

Что касается правдивости нацистских средств пропаганды, то она была полностью связана с положением дел на фронтах. В 1941 г., до начала битвы под Москвой, ложь и дезинформация в них подавались в весьма умеренных дозах. По мере того как рушился

план молниеносной войны, объективность оккупационных изданий стала резко падать.

Естественно, эта объективность никак не была связана с теми планами по вопросу о будущем России, которые вынашивали руководители Третьего рейха.

В послевоенные годы были написаны сотни трудов по разным аспектам истории Второй мировой войны. Но в российской науке до сих пор недостаточно работ, в которых комплексно анализируются типы и формы коллаборационизма на временно оккупированной территории нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Надеюсь, что проведённый Российским институтом стратегических исследований круглый стол «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина» во многом будет способствовать решению этой серьёзной и важной для истории нашего Отечества проблемы.

¹ Архив Управления ФСБ РФ по Смоленской области. Д. 9856-С. Л. 15.

² Война и общество. 1941–1945. М., 2004. Кн. 2.

³ Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.

⁴ Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершённые на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005.

⁵ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955–1991 гг. / сб. правовых актов. М., 1997.

⁶ Кулик С. В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006.

⁷ Митрофанов Г. Коллаборационизм или духовное возрождение // Церковный вестник. 2005. № 3. Февраль.

⁸ Пролетарская правда. 1941. 19 июля.

⁹ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

¹⁰ Современный словарь иностранных слов. М., 1993.

¹¹ Трайнин И. П. Избранные труды. СПб., 2004.

¹² Эренбург И. Г. Война. М., 2004.

¹³ Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Polities. London : McMillan, 1957.

Использованная литература и источники Франц Уле-Веттлер, доктор исторических наук (ФРГ), генерал-лейтенант бундесвера

Измена присяге оправдана быть не может

Хотелось бы высказать несколько соображений по поводу того, почему тема «Власов и власовщина» кажется мне важной и сложной, а сегодняшняя дискуссия — интересной.

На вопрос, почему во всех войнах существовала «власовщина», т. е. находились люди, которые поддерживали противников своего государства, могу ответить, что коллаборационизм имел место во всех войнах, основанных на идеологии. Что же касается Второй мировой войны, то в Советском Союзе существовали противники сталинизма, а в Германии — противники гитлеризма.

Феномен «власовщины» возникал в том случае, если политическая линия, проводившаяся правительством, противоречила национальному чувству

людей. Примером тому служат казаки, туркмены, французы и индусы. Именно этому критерию отвечает поведение пленных, идёт ли речь о Власове или некоторых немцах, которые присоединились к Национальному комитету «Свободная Германия». Но хотя для оценки «власовщины» можно применить целый комплекс мотивов и оправданий, неоспоримым тем не менее является главное: эти люди изменили присяге; они агитировали и временами боролись против *собственных* соотечественников и даже против товарищей.

При этом остаётся вопрос: достаточно ли этих справедливых упреков для моральной оценки? Исторические примеры на этот счёт не всегда трактуются однозначно, взять хотя бы пример с Индией.

Как известно, войска под командованием Азада Хинда боролись с британским владычеством под японским флагом. Они изменили своей присяге и предали своих бывших товарищей. Но их вождем был Субхас Чандра Бозе — один из крупных индийских политиков, сторонник создания Партии Конгресса, которая должна была прийти на смену колониальному руководству. В 1940 г. он попал в Берлин, а затем на немецкой подлодке сбежал в Японию.

В 1945 г. британцы решили судить этих людей, однако в стране началось широкое движение в их защиту. Когда Индия в 1947 г. стала независимой, Дж. Неру должен был ответить на непростой вопрос: на какой основе строить национальные вооружённые силы? Взять ли за основу войска, сражавшиеся на стороне британского колониального руководства (при том, что он, Неру, и Ганди были брошены в тюрьму именно британскими властями)? Или же опереться на тех, кто изменил присяге, но при этом боролся за независимость Индии? Принять решение было

непросто. И Дж. Неру созвал комиссию из представителей обеих сторон, которая постановила, что и те, и другие имели в основе своих действий мотивы, заслуживающие уважения. Однако политики должны помнить, что одна из их задач — делать всё, чтобы солдаты по независящим от них причинам не оказывались перед столь тяжёлым выбором и не становились инструментом политики. Поэтому, исходя из того что каждая армия должна строиться на послушании и присяге, было решено, что солдаты Азада Хинда, нарушившие присягу, не могут стать основой для новых индийских вооружённых сил. Они могут войти в гражданские государственные структуры, но не в военные. Именно по этой причине по сей день индийская власть продолжает традиции британских колониальных войск.

Этот пример показывает, что оценка «власовщины», т.е. сотрудничества с врагом, принадлежит к числу важных проблем мировоззренческого характера. Именно поэтому обсуждение этой темы на круглом столе представляется мне очень нужным.

Тимофеев Алексей, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград)

Коллаборационизм и гражданская война в Сербии. 1941–1945 гг.

Коллаборационизм, согласно определению, которое даёт «Словарь общественных наук», представляет собой осознанное и добровольное сотрудничество с врагом в его интересах, во вред своей Родине или союзных с ней стран. Несомненно, сотрудничество с враждебной стороной части гражданского населения, нарушивших присягу военных либо военнопленных имеет богатые исторические корни. Однако стоит отметить, что именно в XX в. количественные и качественные изменения в политическом сознании масс, а также многие другие факторы привели к тому, что коллаборационизм приобрёл невероятно массовый характер. Природе этого феномена посвящена обширная литература как на русском, так и на иностранных языках.

Для анализа природы коллаборационизма в Восточной Европе особый интерес представляет классификация, предложенная известным британским историком Х. Сетон-Ватсоном, который выделил пять типов коллаборационистов.

Первые поставили себя на службу немецким оккупантам и их союзникам исходя из личных симпатий к крайне правой идеологии, сотрудничали с немцами или их союзниками ещё до оккупации и помогали устанавливать оккупационный режим.

Вторые относились к национальным меньшинствам или народам, чьи права были ущемлены ещё до войны, и в силу этого они стали сотрудничать с врагом, причём зачастую это сотрудничество также началось в предвоенные годы.

Третьи — это те, кто служил своей стране и поначалу защищал её от агрессии, но позднее пришёл к выводу о неизбежности победы Германии и в силу этого стал сотрудничать с оккупационными властями.

Четвертые стали коллаборационистами исходя из твёрдого убеждения, что таким образом они помогают своему народу, спасая то, что необходимо спасти в ожидании момента, когда противники Третьего рейха победят и помогут восстановить довоенный режим.

Наконец, к *пятому* типу принадлежат те, кто боролся против оккупантов и на первых порах сохранял лояльность правительству в изгнании, однако позднее, испугавшись размаха левого сопротивления, сочетавшего борьбу с оккупантами и ползучую революцию, пошёл на сотрудничество с немцами в их борьбе против левых.

В годы Второй мировой войны в СССР были известны группы первого, второго и третьего типов. В Советском Союзе левый режим был установлен ещё до войны, и противоречия между лояльностью к народу, борющемуся против оккупантов, и верностью присяге довоенному правительству были практически невозможны. В других же странах это правительство было бы обречено в случае победы коммунистического подполья. Некоммунистическое движение сопротивления там также было связано с мотивами сепаратистского характера (второй тип, по Сетон-Ватсону). У русского народа такого движения не было, поэтому коллаборационисты

четвертого и пятого типов на территории СССР не встречались.

На Балканах* ситуация коренным образом отличалась от того, что наблюдалось в СССР. Часть Балканских государств (Венгрия, Румыния и Болгария) увидели в союзе с Гитлером шанс решить собственные территориальные проблемы, развить экономику и избежать кровопролитной войны на своей территории. Поэтому здесь до конца лета — начала осени 1944 г. вообще вряд ли уместно говорить о коллаборационизме, так как на государственном уровне существовала ориентация на союз с Третьим рейхом и его союзниками. Не было и оккупации как важнейшего условия для возникновения коллаборационизма.

Другое дело — ситуация в оккупированных Албании, Югославии и Греции. Но если в Греции и Албании, где абсолютно преобладали «титовские» нации, коллаборационистские движения второго типа (по Сетон-Ватсону) известны не были, то в Югославии появились коллаборационисты всех пяти типов. При этом наиболее интересными для российского исследователя представляются экзотические для СССР четвёртый и пятый типы, действовавшие в восточной части Югославии — в Сербии.

Это обилие типов коллаборационистов, а также активная борьба внутри Сопrotивления привели к тому, что часть современных сербских историков стали воспринимать Вторую мировую войну в Югославии как войну гражданскую, отягощенную оккупацией. При этом речь идёт о борьбе трёх фракций: пронемецких ультраправых сторонников М. Недича и Д. Лютича, просоветски ориентированных ультралевых партизан И. Б. Тито и умеренно либеральных, ориентированных на англо-американцев бойцов Д. Михайловича. В рамках этой концепции практически всех граждан Королевства Югославия, взявшихся за оружие в 1941–1945 гг., можно разделить на три группы в зависимости от того, чьё господство на Западных Балканах они считали приемлемым: немецкое (и/или итальянское), английское (и/или американское) или советское. Доказательством правильности такого подхода являются, в первую очередь, статистические данные, которые говорят о том, что большинство подданных Королевства, убитых в 1941–1945 гг., пали от рук собственных сограждан. Концепция восприятия событий Второй мировой войны в Югославии через призму гражданской войны в массовом сознании населения Сербии и Словении (а тем более Хорватии) практически затмила воспо-

минания о борьбе с немецкими оккупантами. В силу этого интерес к событиям Второй мировой войны в Сербии сравнительно низок (и это несмотря на то, что сербы после русских, белорусов и поляков понесли в этой войне самые большие относительные потери).

В чём же причина? Почему воспоминания о Второй мировой войне оказались затуманены травмами войны гражданской? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит хотя бы конспективно проанализировать, почему в 1941 г. среди сербов могла бытовать не только понятная ненависть к немцам, напавшим на их страну, но и неприязнь к коммунистам, и разочарование в англо-американцах. Этот вопрос крайне важен для понимания причин, подтолкнувших сербских военных, ещё до войны традиционно антинемецки настроенных, к сотрудничеству с оккупантами.

Начнём с коммунистов. События 1917 г. в России, последовавшее за этим убийство царской семьи, ужасы Гражданской войны и «красного террора» для сербской элиты, потерявшей с падением Российской империи одного из важнейших внешнеполитических патронов и союзников, были достаточно яркими доказательствами вредности «коммунистических идей». После кровавых экспериментов Баварской (13 апреля — 1 мая 1919 г.) и Венгерской (21 марта — 6 августа 1919 г.) советских республик стало очевидно, что от вируса большевизма не имеют иммунитета и народы Центральной Европы.

Тем временем в Белграде 20–23 апреля 1919 г. была создана единая коммунистическая партия Югославии, которая со Второй партконференции в Вуковаре (20–25 июня 1920 г.) стала называться Коммунистической партией Югославии (КПЮ) и приняла программу, ориентировавшую её членов на революционную борьбу и построение социализма. В то же время коммунистам на выборах в Конституционное собрание удалось завоевать значительное число голосов в крупных городах (Белград, Загреб, Осиек, Скопье, Ниш и др.) и получить 59 мандатов из 419. Коммунисты вступали в открытые столкновения с полицейскими и воинскими частями, организовали политическую забастовку шахтёров в Боснии и Словении. Чтобы помешать югославским коммунистам сделать с Конституционным собранием то же, что сделали их российские коллеги с Учредительным, король Александр Карагеоргиевич разработал так называемую «Обзнану»**. В ответ коммунисты перешли к террору. Было совершено неудачное покушение на короля Александра. А 21 июля 1921 г. член

* Здесь мы говорим о Балканах в историко-региональном смысле, т.е. о странах, входивших некоторое время в Османскую империю, о тех, где традиционно мужчины для доказательства мужественности носили усы, а женщины для придания кухне пикантности усердствовали с приправами. В географическом плане ни Венгрия, ни Румыния в строгом смысле Балканами не являются.

** «Обзнана» — Приказ Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев, принятый в ночь с 29 на 30 декабря 1920 г., в соответствии с которым была запрещена любая деятельность Коммунистической партии Югославии, распущены все её организации, конфискованы имущество и архив. За нарушение приказа предусматривалось тюремное заключение. Этот документ носил временный характер и действовал до принятия новой конституции.

террористической организации КПЮ «Красная справедливость» Алия Алиягич убил министра внутренних дел Милорада Драшковича, ответственного за реализацию «Обзнаны». В результате на свет появился «Закон о защите государства»*, окончательно поставивший коммунистов вне закона. КПЮ, насчитывавшая в 1923 г. всего около 1 тыс. членов, превратилась в типичную террористическую организацию, существовавшую на деньги иностранного государства (СССР). Коммунисты провозгласили, что Югославия — это «тюрьма народов», тюремщиком которой является «великосербская буржуазия» со всеми вытекающими отсюда для сербов последствиями. Более того, находившиеся в тюрьме коммунистические лидеры вступили в соглашение с другими противниками Королевства Югославия — хорватскими и македонскими сепаратистами. Эта линия одобрялась Коминтерном до середины 1930-х гг. Позднее под влиянием фашистской угрозы советское руководство распорядилось изменить концепцию и бороться за единство Югославии, но под лозунгом федерализации, что и было проведено в жизнь КПЮ. Такая агрессивная политика Коминтерна по отношению к Югославии привела к тому, что сербская элита воспринимала СССР как чуждое прежней Российской империи образование и не поддерживала с ним дипломатических отношений до 1940 года. При этом российское представительство в Югославии под руководством Василия Николаевича Штрандтмана продолжало работать и далее**.

Лишь в 1940 г. Королевство решилось установить дипломатические связи с СССР — в то время нейтральным государством, стоявшим в стороне от схватки Британии и Германии за передел Европы. Весна 1941 г. привнесла в атмосферу королевской Югославии ощущение неминуемой военной угрозы. Битва гигантов — нацистской Германии и демократической Великобритании — сотрясала в то время весь мир. Каждая сторона уже имела свои взлёты и падения, своего ненадёжного романского союзника (Италию или Францию), свои взгляды на будущее Европы и мира.

Надо сказать, что в то время сущность гитлеровской Германии ещё не была очевидной, не был очевидным и ужас Холокоста. США и СССР ещё не вступили в войну, Франция уже потерпела военное поражение, и шансы Великобритании на победу

в противостоянии с занявшим всю Европу Гитлером выглядели призрачными. Поэтому весомых внешнеполитических причин для вступления Югославии в войну не существовало. Напротив, этнические территории сербского народа, являвшегося в то время доминантным в Югославии (большинство высшего офицерства, старшего чиновничества, королевская династия), были практически полностью собраны в составе Королевства. Более того, в процессе собирания этих земель почти все соседи Югославии (за исключением Греции и, с некоторыми оговорками, Румынии) лишились части своих (или считавшихся своими) территорий. Таковы были последствия навязанной Европе после Первой мировой войны Версальской системы международных отношений, бесславная смерть которой к тому времени уже состоялась к вящей радости большинства соседей Королевства. Всё это, а также сложная внутривнутриполитическая ситуация (обострение межнациональных отношений, неустойчивость политического равновесия, молодость престолонаследника Петра II) располагали страну скорее к миру, чем к войне.

При таких обстоятельствах частичное присоединение Югославии к странам Тройственного пакта было логичным в ситуации, когда сохранить абсолютный нейтралитет стало невозможно. Почти все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к этому пакту, и если бы к антикоминтерновским державам присоединился и Белград, то они не смогли бы безнаказанно удовлетворять свои притязания на югославские территории***.

Условия присоединения к антикоминтерновскому пакту были достаточно мягкими. Согласно договору, подписанному 25 марта 1941 г. премьером Югославии Д. Цветковичем в венском Бельведере, правительство Третьего рейха подтверждало свою готовность уважать единство и целостность Югославии; все страны антикоминтерновского пакта давали обязательство на протяжении всей войны не использовать территорию Югославии для транзита вооружённых сил или военной техники; Германия и Италия обязались не требовать от Югославии никакой военной помощи.

В ходе подписания документа Гитлер обратил внимание югославских представителей и на близкие отношения между Москвой и Берлином. Пакт был подписан, югославские политики получили

* «Закон о защите государства» (полное название — «Закон о защите общественной безопасности и порядка в государстве») был принят 2 августа 1921 г., имел постоянный характер, был утверждён парламентом и усиливал государственное преследование коммунистов, включая смертную казнь за вооружённое сопротивление полиции и нападение на государственные учреждения. КПЮ с тех пор перешла в подполье, где и оставалась до начала войны. Сербская полиция времён Милана Недича рассматривала этот закон как основу для жёстких мер по борьбе с партизанами и коммунистическим подпольем.

** В 1911–1915 гг. В. Н. Штрандтман был первым секретарём российского императорского посольства в Белграде, а в 1919 г. был назначен правительством А. В. Колчака посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В Югославии он был также делегатом Нансеновского комитета (Лиги Наций), уполномоченным Российского общества Красного Креста и начальником Управления по делам российских эмигрантов.

*** Стоит отметить, что и сам Коминтерн проводил крайне деструктивную политику в отношении Югославии (террористическая деятельность КПЮ, призывы уничтожить Югославию — тюрьму народов и пр.).

«от германской стороны твёрдое заверение насчёт сохранения их нейтралитета».

К тому времени англо-американцы пришли к выводу, что вовлечение Балкан в войну было бы для них выгодно. В Югославии, Румынии и Греции их спецслужбы активизировали свою деятельность. В Сербии на «английские дотации» существовали Земледельческая и Самостоятельная демократическая партии. Агенты Белградского отделения Управления специальных операций (УСО) — Дж. Тейлор, Х. Дальтон, Мастерсон, Бенетт, Гленвилл, Глен, Бейли — действовали крайне активно. Дотации от УСО получали такие сербские политики, как Милан Гаврилович, Миша Трифунович, Милош Тупанянин, Йован Джонович. Не менее важной была и легальная дипломатическая активность по «укреплению духа сопротивления „оси“, вплоть до государственного переворота», которую проводили лично британский посол в Белграде Р. Кемпбелл и один из военных атташе — Маплбек, чьим личным другом был его коллега по авиации, генерал ВВС Королевства Югославия Боривой Миркович. Судя по исследованиям послевоенных историков британских спецслужб, именно этот контакт и оказался решающим при организации государственного переворота. При этом стоит отметить, что и самим англичанам было ясно, что «имелось множество причин, заставлявших любого правителя Югославии осознать, что в интересах его народа [необходимо. — Прим. авт.] скорее достижение компромисса, нежели призывы к борьбе». Однако лидеры Великобритании, зная о том, что «помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае только символической», всё-таки с помощью представителей своих секретных служб организовали в Югославии 27 марта 1941 г. государственный переворот, сопровождавшийся массовыми беспорядками*. В этом контексте интересно обратить внимание на послевоенную судьбу трёх вожakov государственного переворота, носивших в 1941 г. форму югославской королевской армии.

1. Боривой Миркович — душа переворота и его главный организатор — в 1941 г. был генералом ВВС Югославии, после немецкой оккупации и бегства из страны поступил на службу в армию Его Величества и скончался в Англии военным пенсионером британской армии.
2. Душан Симович (1882–1962), выдвинутый после путча на пост главы государства и министра обороны, был в 1941 г. генералом ВВС Югославии. Вскоре после немецкой оккупации и бегства из страны был смещён с поста премьера. В конце войны поддержал Тито. Поссорился с англичанами (слишком быстро допустившими его замену) и вернулся в Белград в 1945 г., где свидетельствовал на суде против Д. Михайловича. После этого

доживал свой век как состоятельный военный пенсионер коммунистического режима.

3. Живан Кнежевич (1906–1985) — руководитель воинских частей (гвардии), совершивших путч. В 1941 г. служил майором королевской гвардии. После переворота стал начальником администрации у генерала Д. Симовича. В 1945 г. вступил в армию США и скончался за океаном военным пенсионером.

Как и следовало ожидать, после переворота взбешённый Гитлер, разгневанный к тому же массовыми погромами немецких представительств и нападением на автомобиль немецкого посла, не заставил долго ждать своих ответных действий: Третий рейх в союзе с Италией, Венгрией и Болгарией напал на Югославию. Согласно мемуарам У. Черчилля, когда всеобщее возбуждение после путча улеглось, «все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи». Британский премьер без всякого раскаяния описывал последствия своей авантюрной провокации: «Утром 6 апреля над Белградом появились германские бомбардировщики... 8 апреля, когда настала наконец тишина, свыше 17 тыс. жителей Белграда лежали мёртвыми на улицах города и под развалинами. На фоне этой кошмарной картины города, полного дыма и огня, можно было видеть взбесившихся зверей, вырвавшихся из своих разбитых клеток в зоологическом саду. Раненый аист проковылял мимо крупнейшей гостиницы города, которая представляла собой море огня. Ошеломлённый, ничего не соображавший медведь медленной и неуклюжей походкой пробирался через этот ад к Дунаю».

Подчеркнём, что британские лидеры, в отличие от «ошеломлённого» медведя, а также не менее ошеломлённых жителей Белграда и вообще всего Королевства, имели в случившемся свою выгоду. Ещё в июле 1939 г. в Югославии побывала миссия майора Колина Габбинса, британского эксперта в области организации саботажа, диверсий и партизанских движений. Задолго до вступления Королевства в войну на его территории активно действовали британские агенты, пытавшиеся организовать диверсии, чтобы ослабить его торговые связи с Германией и затруднить судоходство по Дунаю. Ведь достаточным «поводом для насильственных действий в дружественной нейтральной стране» для британских диверсантов было уже то, что через территорию этой страны проходили важные немецкие коммуникации и имелась значительная немецкая собственность. В январе 1941 г. Британия точно определила свои цели в Белграде, сформулированные Дж. Тэйлором в телеграмме на имя начальника «балканской» штаб-квартиры УСО в Стамбуле: «...В Югославии нам необходимо, во-первых, убедить югославский Генеральный штаб завер-

* Факт участия секретной службы Великобритании в путче 27 марта 1941 г. давно не вызывает сомнения.

шить... план подготовки массированных диверсий на Дунае, т. е. мы должны быть готовы с помощью взятки или иных средств использовать заряды в подходящий момент, невзирая на отношение к этому югославского правительства. А во-вторых, подготовить разрушение транспортных коммуникаций перед линией немецкого наступления и партизанскую войну за нею». Здесь и речи не шло о подготовке Югославии к обороне: британская разведка заранее «предвидела скорое югославское поражение и строила планы по слеокупационных диверсий и партизанской войны». Югославия была заранее обречена на кровавую партизанскую войну, неизбежно ведущую к массовым убийствам мирных жителей.

Даже горячим сторонникам британцев — сербским военным, возглавившим монархическое сопротивление в горах Югославии, к 1943 г. это стало ясно. Впервые свои мысли о британцах как «торговцах пушечным мясом», использовавших сербов за небольшие деньги и готовых биться на Балканах до последнего серба, лидер четников Дража Михайлович публично высказал 28 февраля 1943 г. в селе Горне Липово. А 23 октября 1943 г. он докладывал югославскому королевскому правительству: «Вам стоит знать, что нас англичане оставляют без денежных средств. Они используют и это средство для давления на нас, чтобы мы выполнили их требования без учёта наших интересов и несмотря на народные жертвы. Они требуют выполнения тех акций, которые приведут к десяткам тысяч расстрелянных заложников. При этом они не дают нам никаких боевых или денежных средств. За каждый самолёт [с боеприпасами. — *Прим. авт.*] они торгуются, как самые последние торговцы. Мы считаем, что, если бы на свете не было немцев, англичане были бы наихудшим народом».

А весной 1941 г. Югославия после десяти дней безуспешной обороны (Апрельская война) потерпела поражение. Кроме внешнего врага в спину королевской армии ударил враг внутренний — хорватские офицеры и солдаты, массово переходившие на сторону немцев, саботировавшие приказы командования и передававшие врагу важные документы.

После поражения Югославия была разделена между сопредельными странами — Германией, Италией, Венгрией, Болгарией и Албанией. Были образованы Независимое Государство Хорватия, включившее в себя территорию современной Хорватии, Боснии и сербской Воеводины, а также независимая Черногория под эгидой Италии. На некоторых из этих территорий (на землях, оккупированных Хорватией, Венгрией, Болгарией и подконтрольной Италии Албанией) начались этнические чистки, сопровождавшиеся геноцидом сербов и евреев, истреблением элиты, организацией лагерей смерти и немотивированными массовыми убийствами. Сама Сербия была оккупирована Германией. Сразу же после этого в горах Центральной Сербии стал формировать свои отряды полковник Дража Михай-

лович. Позднее собравшиеся вокруг него офицеры и солдаты, а также гражданские лица официально стали Югославским войском в Отечестве (ЮВвО), бойцов которого народ называл старым сербским словом «четники» — повстанцы.

В то же время КПЮ начала подготовку к вооружённому восстанию. Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, руководство югославских коммунистов горячо откликнулось на призыв Коминтерна и сразу подняло революционное восстание, наиболее сильно разгоревшееся в Сербии к концу лета. К этому восстанию примкнули и четники, стремившиеся не выпустить инициативу из своих рук.

Стоит отметить, что один из первых крупных антинемецких диверсионных актов произошёл 5 июня 1941 г. в городе Смедерево, неподалёку от Белграда. В Смедеревской крепости немцы складировали свои трофеи — боеприпасы, принадлежавшие югославской армии. В результате взрыва на воздух взлетели значительная часть крепости и расположенный вблизи неё вокзал, по сути — весь центр города. Число погибших измерялось сотнями, поскольку по стечению обстоятельств это был базарный день, и в центре города собралось много крестьян из окрестных деревень. Кроме того, в этот день в Смедерево съехались гимназисты, получившие дипломы об окончании учёбы, прибывшие со всего района за заработной платой преподаватели и гастролировавшая в городе труппа Сербского народного театра. Больше всего погибших было в стоявшем у перрона в десяти метрах от крепости пассажирском поезде № 4714. Из-за жары идентификацию погибших производили на скорую руку, большая часть трупов была просто свалена в общую могилу и засыпана известью. Тогда виновники диверсии так и не были установлены. Немцы и их сторонники уверяли впоследствии, что её организовали коммунисты. Титоисты в послевоенное время пытались доказать, что взрыв был следствием неаккуратности немцев, куривших на складе с боеприпасами. Однако у всех версий была общая черта — их невозможно доказать. Трудно поверить как в неаккуратность немцев, так и в то, что югославские коммунисты (как вариант — советская разведка) могли послушаться Сталина, стремившегося всеми силами оттянуть начало войны. Если исключить простую случайность (например, самовоспламенение взрывчатки), то можно признать наиболее подходящим кандидатом на роль организатора взрыва британские спецслужбы. Учитывая дату взрыва, единственной страной, занимавшейся в то время диверсиями в придунайских районах, имевшей там разветвлённую агентурную сеть, а также активно использовавшей взрывчатку, была именно Великобритания.

Однако массовое восстание вспыхнуло в Югославии только в июле 1941 года. Немецкие войска в то время были полностью связаны на востоке. Силы для борьбы с повстанцами на Балканах были ограничены. Существовавшее в Сербии комиссарское

административное правление, опиравшееся лишь на остатки довоенной королевской полиции, помочь им в этом не могло.

Первым и самым простым вариантом для немцев было расширение зоны оккупации соседних государств (Болгарии, Хорватии, Венгрии и Албании) на всю территорию Сербии. Очевидно, что при всей простоте этот план таил в себе определённые опасности для интересов рейха: «повстанчество» могло проникнуть в соседние страны, стабильность в которых и так была нарушена в результате интеграции в них этнических сербских территорий, где также происходили беспорядки, хотя в то время (т. е. в августе 1941 г.) более умеренные, чем в Сербии. Другим способом было формирование сербского марионеточного правительства, которое пользовалось бы некоторым авторитетом у части населения и могло бы стать опорой немецкого оккупационного аппарата в борьбе с повстанцами.

Определённая политическая сила, на которую могли опереться немцы, в Сербии существовала — это движение «Збор» Димитрия Лютича. В 1931 г. боевой офицер Первой мировой войны и адвокат по профессии Лютич получил место министра юстиции. Ему было поручено навести порядок в министерстве и представить свои предложения по преодолению чрезвычайной ситуации, создавшейся после 6 января 1931 г., когда в результате громких террористических актов была приостановлена деятельность партий и парламента. Лютич обратился к королю с проектом новой конституции, предполагавшим децентрализацию государства и усиление местного самоуправления. В то же время проект предусматривал общее укрепление государства, отказ от национальных административных границ и ограничение диктата чиновничества. Король был верховным главой государства и опирался на сословное представительство, однако ему эти новшества показались чрезмерными. Александр склонялся к возвращению обычной парламентской демократии, уповая лишь на создание сильной партии, которая имела бы полностью промонархический характер. Проект Лютича был отвергнут, и королевский министр ушёл в отставку.

В конце 1931 г. вокруг Лютича стало собираться ядро людей, имевших общие идеалы и обсуждавших политическую ситуацию в стране и в мире. В 1933 г. они начали издавать газету под названием «Отечество», девизом которой стали слова Лютича: «Человек ищет свободы, а свобода ищет людей». К концу 1934 г. вместе с рядом примкнувших общественных организаций Сербии, Хорватии и Словении Лютич создал Югославское национальное движение «Збор». Его основой стали антикоммунизм, антисемитизм, неприязнь к масонам, традиционализм и религиозность (православная — для православных и католическая — для католиков), панславизм, поддержка кооперативного движения как противоположность олигархам из «некоренных народов», опора на местное само-

управление в противовес коррумпированной бюрократии, последовательное обличение мздоимцев. После смерти короля Александра в Югославии наступило настоящее буйство различных олигархических структур, словно марионетками управлявших парламентом, правительством и даже принцем-регентом. Обстановка в стране накалялась. Стоит отметить, что «Збор» наряду с КПЮ был редким примером неправительственной партии, которая включала представителей практически всех наций и национальных меньшинств, проживавших в Югославии. Вскоре «Збор», подобно КПЮ, оказался вне закона. Его митинги срывали, литературу уничтожали, а лидеры (в том числе и самого Д. Лютича) постоянно задерживала полиция. При этом численность членов «Збора» была сравнима с численностью коммунистов и составляла всего несколько тысяч человек. Стоит отметить, что в отличие от КПЮ, которая имела имидж «партии России», традиционно популярный в Сербии, «Збор» часто обвиняли в пронацистских симпатиях, хотя лидер партии от них отрекся. Д. Лютич оказался замешан и в финансовом скандале, связанном с деятельностью посреднической организации, занимавшейся экспортом в Германию кооперативной продукции. В результате успехом среди избирателей Лютич не пользовался, он и его партия ни разу не побеждали на выборах.

После начала Второй мировой войны Лютич и его сторонники поддерживали идею о нейтральности Югославии и противились сближению Королевства с немцами или англичанами как шагу, который неизбежно вовлечёт страну в войну. В ходе Апрельской войны Лютич и другие члены «Збора» выполняли свой воинский долг резервных офицеров до подписания королевской армией капитуляции.

Исключительная опора на Лютича не могла обеспечить марионеточному сербскому правительству массовой поддержки населения. Поэтому немцы старались найти для руководства правительством фигуру более авторитетную, по возможности «внеполитическую». Она и была найдена в лице генерала Милана Недича, офицера Генерального штаба, участника Первой мировой войны, известного своей аполитичностью. В 1939–1940 гг. Милан Недич был министром армии и флота Королевства Югославия. Но в ноябре 1940 г. он был смещён со своего поста, после того как подал на имя принца-регента Павла «меморандум», где дал пессимистический прогноз относительно исхода военного столкновения Югославии с силами «оси», которое, по его мнению, неминуемо «закончится позорным поражением». В ходе Апрельской войны генерал Недич оставался верным своей воинской присяге и боролся с противником до подписания капитуляции.

Во время взрыва в Смедерево генерал Недич потерял единственного сына, погибшего вместе со своей беременной супругой. К сломленному личным горем и государственной катастрофой генералу обра-

тились представители сербской элиты, среди которых были деятели всех сербских политических партий (кроме КПЮ), академики, профессора Белградского университета, представители сообществ адвокатов, инженеров, врачей, торговцев и др. Был среди них и Александр Белич, председатель Сербской королевской академии наук*. Кандидатуру М. Недича поддержал и его троюродный брат Д. Лютич. Причиной такого единения сербской элиты, оставшейся в стране, стал немецкий план раздела Сербии по оккупационным зонам и участие хорватских сепаратистов (ушастей), венгерских гонимых, царских болгарских войск и албанской милиции в подавлении восстания сербов. Плывшие по Дрине, Саве и Дунаю трупы повстанцев, связанные проволокой, и беженцы, прибывавшие из хорватской и венгерской зон оккупации, были достаточной мотивацией для появления такого консенсуса. Другим не менее важным мотивом было объявленное немцами (и проводившееся в жизнь в Крагуевце и более мелких сербских городах, охваченных восстанием) правило о расстреле по 100 заложников из числа местных жителей за одного убитого при нападении «лесных людей» (как их называли сербы) немецкого солдата и по 50 — за одного раненого.

Наконец, 29 августа 1941 г. Милан Недич сформировал так называемое «правительство национального спасения», начавшее создавать из полицейских и унтер-офицеров бывшей королевской армии собственные части для борьбы с повстанцами.

В Смедерево после взрыва царило всеобщее народное негодование против виновников трагедии, подогреваемое немцами, оказывавшими гражданскому населению помощь лекарствами и продуктами, помогавшими в проведении восстановительных работ. Комиссаром по восстановлению Смедерево стал Д. Лютич (это была его единственная должность до конца оккупации Сербии). В 1942 г. в центре этого города был воздвигнут памятник жертвам трагедии 5 июня**. К осени 1944 г. город был восстановлен, причём его центр с тех пор не изменился. Из числа участников расчистки завалов после взрыва в Смедерево, среди которых было немало членов организации «Збор», 14 сентября 1941 г. был сформирован Сербский добровольческий корпус (СДК) — самая надёжная сербская антипартизанская часть под командованием немцев. С самого начала в СДК входило 12 отрядов, каждый по 120–150 человек. К февралю 1942 г. в корпусе уже служили 172 офицера и 3513 добровольцев, т. е. всего около пяти батальонов. Командовал СДК полковник Константин («Коста») Мушицкий. В отличие от Сербской госу-

дарственной стражи (СГС) Милана Недича, представлявшей собой классические жандармские части, СДК был в высшей степени идеологизирован. К нему были приписаны не только военные священники, но и специальные «просветители» (своего рода политруки), занимавшиеся активной пропагандой идеей «Збора», из которых предусмотрительно исключили панславизм, заменив его идеей возрождения Сербии.

Немецкие воинские подразделения, отряды добровольцев и жандармерии к концу осени 1941 г. смогли прижать повстанцев к юго-западным границам Сербии, а потом и вовсе вытеснить их в Черногорию и Боснию. В это же время произошёл разрыв между партизанами и четниками. Причиной его стало стремление партизан установить коммунистическую власть в освобождённых районах страны, в то время как четники настаивали на восстановлении в Сербии довоенных порядков и на подчинении партизан Д. Михайловичу. В результате между КПЮ и ЮВвО разгорелась настоящая война. При этом немцы с ожесточением боролись и с теми, и с другими.

Ещё большую запутанность ситуации придавало сотрудничество между четниками и недичевцами, офицеры которых испытывали искреннюю симпатию к Михайловичу и помогали ему оружием и боеприпасами. Гражданские чиновники недичевского аппарата поддерживали их денежными средствами. Это сотрудничество зашло так далеко, что немцам пришлось арестовать некоторых недичевских офицеров, в том числе командира СДК К. Мушицкого (позднее выпущенного и вернувшегося к своим обязанностям). В то же время отдельные группы четников были «легализованы» и в качестве компактных боевых единиц (без перебазирования) продолжили борьбу с партизанами уже как формирования Недича. Время от времени немцы разоружали некоторые из этих частей, если их командиры теряли осторожность и слишком явно демонстрировали свою лояльность Михайловичу. Этот процесс «легализации» / «делегализации» отдельных мелких сербских частей шёл до осени 1944 года.

После отступления партизан в Боснию и Черногорию вплоть до осени 1944 г. Сербия оказалась вне зоны военных действий. Произошёл как бы раздел «сфер влияния» между Недичем и Михайловичем. Один правил в крупных городах, а другой полностью держал под контролем сельскую местность и горные районы. В провинции большинству чиновников недичевской администрации приходилось проявлять двойную лояльность — и Недичу, и Михайловичу. После того как партизаны были фактически вытеснены из Сербии, а в стране остались лишь

* Выпускник Московского университета Александр Белич (1876–1960) был выдающимся сербским филологом, профессором и ректором Белградского университета, председателем Сербской академии наук с 1937 по 1960 год. С 1927 по 1940 г. он занимал должность председателя Государственной комиссии по приёму и размещению русских беженцев. Стоит отметить, что в послевоенное время Александр Белич был избран почётным доктором МГУ им. М. В. Ломоносова.

** Он сохранился до сих пор и является местом ежегодного проведения литургий.

коммунистическое подполье и мелкие партизанские группки, отношения между ЮВвО и отрядами СДК стали накаляться. Одни видели в соперниках «прислужников нацистов» и «православных фанатиков», пытавшихся стать «святое папы». Другие с неприязнью относились к «наёмникам англосаксонской плутократии». В дело вмешивались и иностранные покровители. Британские офицеры связи требовали усилить борьбу против оккупантов, что было куда легче осуществить, убивая коллаборационистов, а не покушаясь на самих немцев. С другой стороны, и немцы требовали усиления борьбы не только против пропартизанского подполья, но и против четников («отрядов ДМ», как они их называли). Естественно, что в таких условиях не могло не прийти до расправ, жертвами которых, как правило, становились наиболее «непримиримые» из лагеря противника. Однако не стоит забывать и то, что недичевский аппарат был исключительно полезен и для ЮВвО, поскольку играл роль своеобразного посредника между оккупационными властями и четниками. Вне Сербии, где такой «прокладки» не было, лидерам ЮВвО приходилось самим вступать в тесные контакты с оккупационным режимом, чтобы обеспечить свою деятельность (после 1943 г.) или разграничить зоны влияния и избежать жертв среди мирного населения.

В конце 1943 г. англичане окончательно прекратили поддерживать отряды ЮВвО, начали сотрудничать с партизанами Тито и согласились с переходом Югославии в советскую зону влияния. Политика Черчилля в декабре 1943 г. была направлена на поддержку Тито в Югославии и противодействие Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС). С другой стороны, с начала 1944 г. усилились попытки партизан прорваться в Сербию из Боснии. Их сдерживали не только немцы, но и гарнизоны сформированного из эмигрантов Русского охранного корпуса, СГС и СДК Милана Недича, а также отряды четников, перекрывавших наиболее труднодоступные места. В результате сотрудничества между командирами ЮВвО и представителями недичевской администрации, полиции и военнослужащих упрочилось. Наконец, 17 мая 1944 г. в селе Брджане вблизи города Горни Милановац состоялась встреча Д. Лютича и представителей ЮВвО — генерала Мирослава «Дрони» Трифуновича, командующего отрядами ЮВвО в Сербии, и Драгиши Васича, члена Центрального национального комитета («теневого правительства», сформированного Михайловичем). А 20 августа 1944 г. в селе Ражан неподалёку от Валево Дража Михайлович, подполковник Балетич, майор Лалатович, капитан Рачич и поручик Калабич «на высшем уровне» встретились с премьером Миланом Недичем, главой его администрации генералом Миодрагом Дамьяновичем и градоначальником Белграда Драги Йовановичем. В результате состоявшихся переговоров была достигнута договорённость о полном

боевом сотрудничестве против «коммунистов Тито», о взаимном «ненападении», о помощи деньгами, оружием и припасами, которую должны были получить четники.

После вступления Красной армии на территорию Сербии правительство М. Недича было распущено. В полночь 4 октября 1944 г. состоялось последнее его заседание, после которого генерал Недич покинул Сербию и выехал в австрийский Кицбил. Бойцы отрядов Недича, полиция и СГС частично разбежались, частично примкнули к отрядам Д. Михайловича. Д. Лютич вместе с формированиями СДК направился в Словению, где попытался осуществить свои планы по формированию единого блока югославских антикоммунистов. Д. Михайлович отступил в горы Восточной Боснии. Позднее, уже в апреле 1945 г., Д. Лютич погиб в автокатастрофе. М. Недич после окончания войны был арестован в Кицбиле англичанами, которые 1 января 1946 г. передали его титовской Югославии. Согласно официальной версии вскоре после этого (4 февраля) М. Недич покончил с собой, выпрыгнув из окна во время допроса. Таким образом, и Д. Лютич, и М. Недич избежали формального суда и не были осуждены. Д. Михайловича арестовали 12 марта 1946 г. в районе Вишеграда (Босния) в результате сложной агентурной операции титовских спецслужб. После публичного суда, построенного по образцу сталинских процессов 1930-х гг., генерал Михайлович был осуждён за организацию ЮВвО, сотрудничество с оккупантами и борьбу против партизан.

Черты коллаборационизма можно найти в деятельности и М. Недича, и Д. Лютича, и Д. Михайловича. Наиболее точно укладывается в классификацию Х. Сетон-Ватсона М. Недич как яркий представитель четвёртого типа.

Д. Лютича можно с некоторыми оговорками отнести к первому типу коллаборационистов, хотя, конечно, его довоенная риторика и политическая практика вовсе не копировали нацистские или фашистские идеи: основой его идеологии был православный фундаментализм, граничащий с фанатизмом, а внешнеполитическим кредо — строгий нейтралитет.

Д. Михайлович, с ещё большими оговорками, чем Лютич, может быть отнесён к пятой категории коллаборационистов, причём его коллаборационизм проявлялся эпизодически и не был последовательным. Основным доказательным материалом против него даже на суде были лишь действия некоторых его офицеров. Прямых же доказательств о каких-либо договорённостях между Д. Михайловичем, немцами и/или итальянцами (по крайней мере до 1943 г.) так и не было обнаружено.

Поскольку деятельность Д. Михайловича и Д. Лютича в годы войны была связана в основном с соответствующими воинскими формированиями (ЮВвО или СДК), то их роль в событиях Второй мировой войны в Сербии установить сравнительно

легко. Более сложно обстоит дело с генералом М. Недичем, который в течение трёх лет находился во главе сербского государства.

Нацистская верхушка с неприязнью относилась к славянским народам, особенно к тем, которые симпатизировали идеям межславянской общности (русским и сербам). В ходе личной встречи Милана Недича и Гитлера, состоявшейся в Оберзальцберге 15 сентября 1943 г., глава сербского государства произвёл на фюрера хорошее впечатление. Однако единственной уступкой, на которую Гитлер был готов пойти в то время (уже отгремела Курская битва, а американцы высадились в Италии) было всего лишь разрешение сформировать «для борьбы с партизанами» еще пять батальонов СДК, состав которых, таким образом, должен был вырасти до пяти полков по два батальона в каждом. Ни возобновить деятельность Белградского университета, ни освободить из-под стражи патриарха, ни воссоединить с недичевской Сербией этнически сербские районы Восточной Боснии и Северной Черногории Гитлер не позволил.

Таким образом, несомненно, в деятельности Милана Недича в 1941–1944 гг. достаточно много очевидных фактов коллаборационизма: помощь немцам в экономической эксплуатации Сербии, создание условий для гражданской войны (в которой сербы убивали сербов). С другой стороны, нельзя не отметить и то, что в нынешнем восприятии сербского народа кроме этого очевидного общего «пассива» в деятельности генерала Милана Недича существует и определённый «актив». К нему стоит отнести стабилизацию ситуации в годы его правления, благодаря чему сербы в Сербии не понесли столь жестоких потерь, как на территориях, подконтрольных хорватам, венграм, албанцам и болгарам. Другим немаловажным фактом была стабилизация экономики страны, что позволило сохранить жизнь тысячам сербских беженцев из независимой Хорватии (под угрозой

смерти, без еды и предметов первой необходимости). Каждый прибывший в Сербию нашёл там пищу, помощь и трудоустройство, что спасло жизнь многим. Хотя права и полномочия М. Недича были очень ограничены, ему всё же удалось наладить подобие нормальной жизни на подконтрольном ему остатке территории довоенной Сербии. Благодаря этому многим людям удалось выжить, дети получали образование, а старики — пенсию. Наконец, немаловажно и то, что М. Недич и Д. Лютич, несмотря на настойчивые уговоры немцев, отказались посылать на Восточный фронт сербские части, даже в количестве чисто символическом. Осенью 1944 г. подконтрольные им соединения, как и четники генерала Михайловича (пытавшегося на первых порах даже организовать сотрудничество ЮВВО с РККА), покинули Сербию, не вступая в боевые действия с Красной армией. Таким образом, в отличие, например, от солдат соседних Венгрии, Румынии или Хорватии, солдаты генерала Недича не смотрели на русских через прицелы своих автоматов*.

Гражданская война и коллаборационизм в Сербии и Югославии оказали большое влияние на послевоенную жизнь страны. Немалую роль в событиях 90-х гг. прошлого века в Хорватии и Боснии сыграли реальные или сконструированные воспоминания некоторых народов Югославии о событиях Второй мировой войны на Западных Балканах. Поиски государственной комиссией мест захоронений Д. Михайловича, непрекращающиеся попытки муниципалитета в Смедерево назвать центральную площадь именем Д. Лютича, обсуждение в сербской Скупщине вопроса об уместности или неуместности помещения в «галерею премьер-министров» на стенах республиканского парламента портрета М. Недича показывают, что события Второй мировой войны в Югославии всё ещё не получили окончательной оценки сербского общества.

¹ Seton-Watson H. The East European Revolution. London, 1956. Димитриевић Б., Николић К. Генерал Михащовић. Биографија. Београд, 2004.

² Павловић М., Младеновић Б. Коста Миловановић Пећанац. Биографија. Београд, 2006.

³ Manojlovic O. «Jbiroka strana moja rodnaja». Spomenici soyjetskim vojnicima podizani u Srbiji 1944–1954 // Tokovi istorije. 2005. № 1–2.

⁴ Глигорщевић Б. Коминтерна, југословенско и српско питање. Београд, 1992.

⁵ David A. T. Stafford, Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 3. September.

⁶ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). Москва, 1969.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Москва, 1991. Кн. 2.

⁸ Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003.

⁹ Mackenzie W. The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. London, 2000.

¹⁰ Љботић Д. Биографија / Сабрана дела. кн. I. Београд, 2003.

¹¹ Краков С. Генерал Милан Неди. Београд, 1995. кн. I.

* На 26 июня 1945 г. в плену в СССР находилось 2176 сербов, в том числе 18 офицеров. Большая часть пленных ранее служили в составе венгерских «штрафных рот» (строительных). Сербские военнослужащие были также в составе хорватских частей, воевавших на Восточном фронте. Наконец, отдельные сербские военнослужащие из состава ЮВВО, СДК и пр. были взяты в плен войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов уже на территории Югославии.

- ¹² Карапанцип Б. М. Граб,ански рат у Србији 1941–1945. Београд, 1993.
- ¹³ Николић К. Италијанска војска и четници у Другом светском рату 1941–1943. Београд, 2009.
- ¹⁴ Neubacher H. Sonderauftrag Sudost, 1940–1945. Bericht eines fliegenden Diplomaten. Berlin-Frankfurt, 1956.
- ¹⁵ Издајник и ратни злочинац Дража Михаиловић пред судом: стенографске белешке и документа са суђења Драгољбу-Дражи Михаиловићу. Београд, 1946.
- ¹⁶ Mommsen H. Serbische Nationale Freiwilligen-Verbande / Gutachten des Institute fur Zeitgeschichte. V. II. Stuttgart, 1966.
- ¹⁷ Загорулько М. М., Сидоров С. Г., Царевская Т. В. Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. Документы и материалы. Москва, 2000.
- ¹⁸ Paunić. Sećanja na ratne dane 1941–1945. Novi Sad, 1997.

**Кормилицын Сергей Владимирович, кандидат исторических наук,
ведущий специалист Управления информации
Администрации губернатора Санкт-Петербурга**

Коллаборационизм или предательство? «Идейные предшественники» генерала Власова

Каждый раз, когда в дискуссии речь заходит о Власове и «власовщине», о мотивах, подвигнувших советского генерала не просто сдать в плен, а выступить на стороне противника, так или иначе обычно упоминают и о его «идейных предшественниках» — европейских коллаборационистах, соглашателях, выступивших против собственных народов на стороне гитлеровской Германии. Между тем даже поверхностное изучение политической картины, сложившейся в Европе в первой трети XX в., свидетельствует о том, что речь идёт о двух разных явлениях.

В принципе в отношении европейских соглашателей можно говорить о таком парадоксальном явлении, как «коллаборационизм без коллаборационизма». Дело в том, что Европа начала XX в. была готова принять нацизм, который был плоть от плоти европейской культуры. Он не был для европейцев чем-то чуждым. Напротив, их пугала его идеологическая противоположность — социализм. Социалисты после череды революций, которые привели к падению правящих династий, радикальным и не всегда позитивным переменам в обществе, стали в ту пору подлинным жупелом для Европы. Последователи Муссолини и Гитлера выглядели на их фоне образцом законопослушности и буржуазной культуры — людьми, уважающими частную собственность и не стремящимися к чрезмерным социальным преобразованиям. Расправившись с левым крылом своей партии и оставив слово «социализм» лишь в её названии, лидер Третьего рейха продемонстрировал Европе, что бояться его не стоит. Поэтому-то соглашения с ним не считались зазорными, хотя, как показал опыт Мюнхенскогоговора, зачастую они приводили к трагическим последствиям. На контакт с Гитлером с лёгкостью шли самые разные силы, даже те, которые, казалось бы, должны были ему противостоять. Ярчайший тому пример — соглашение с Римским престолом, пресловутый «Имперский конкордат», который до сих пор лежит несмываемым грязным пятном на сутане Ватикана.

Да и в идеологическом плане ни Муссолини, ни Гитлер не сказали в принципе ничего такого, что могло бы испугать европейцев. Возрождение величия католического Рима? Ну что ж, итальянцы вполне в своём праве, хотя получается это у них слегка комично. Социал-дарвинизм? Так ведь им Европа баловалась на протяжении чуть ли не полувека, причём вовсе не немцы были его первооткрывателями: тут приложил руку скорее француз Гобино, чем Розенберг и Гитлер. А что до уничтожения идеологических противников — так кого это могло удивить? Борьба за власть — есть борьба за власть, и не более. То есть ни в идейном, ни в идеологическом плане фашизм и национал-социализм никого не отталкивали. Поэтому мысль о союзе с Гитлером, которая испугала бы современного человека, для европейца первой трети XX в. вовсе не была невероятной. Напротив, национал-социализм был даже в определённой мере привлекателен, и партии по образу и подобию гитлеровской формировались в то время повсюду — в Австрии, Франции, Норвегии, Великобритании, даже среди русских эмигрантских кругов в Китае.

К примеру, очень популярной фигурой во Франции 1920-х гг. был Жорж Валуа — ветеран Первой мировой войны, публицист и оратор, основатель и лидер «Союза бойцов и производителей». В своей книге «Фашизм», изданной в 1927 г., он уже призывал к созданию гибрида социализма и национализма как действенного средства для борьбы с засильем индивидуализма и либерализма в современном ему обществе. По его словам, только национальное государство могло снять партийные и классовые противоречия в обществе. Гитлеровская партия ещё только-только набирала популярность в Германии, а в Союзе, созданном Валуа, уже состояли несколько тысяч служащих, мелких предпринимателей, представителей интеллигенции и отставных солдат. Можно назвать и другие партии и политические силы, ставшие впоследствии кадровой базой коллаборационизма: военизированную организацию Марселя

Бюкара «Парижские синие рубашки», Французскую социальную партию полковника Де ла Рока. Правда, они возникли несколько позже, уже в 1930-е гг., так что партия Валуа — пример более наглядный.

Разумеется, речь идёт не только о Франции. В Голландии действовала своя национал-социалистическая партия, созданная Антоном Адрианом Мюссертом. Именно она стала «пятой колонной», помогавшей немецким оккупационным властям устанавливать «новый порядок». Нидерланды поставляли немецкой армии добровольцев, из которых состояла 23-я дивизия СС «Недерланд». В Бельгии опорой нацистов были члены возглавленной Леоном Дегрелем национал-социалистической партии «рексистов» и члены добровольческого легиона СС «Валония».

Как ни печально, таких людей было намного больше, чем принято говорить. Во всяком случае, намного больше, чем участников Сопротивления, поскольку число последних традиционно увеличивалось в разы только после освобождения той или иной страны союзниками. При этом внешние проявления Сопротивления могли быть настолько невнятными, загадочными и малопонятными для оккупантов, что на них просто не обращали внимания. Так, скажем, в Австрии противники оккупационного режима помечали стены домов загадочной аббревиатурой «о5», намекая этим, что их страна по-прежнему является империей (Oesterreich), а не одной из областей рейха (Ostmark). А в Норвегии фрондирующие интеллигенты выходили на улицы, прицепив на лацканы пиджаков канцелярские скрепки, — чисто норвежское изобретение, намекающее на то, что германский порядок не заставит норвежцев перестать быть норвежцами. Вероятно, от законопослушных европейцев такое «отчаянное» фрондёрство требовало немалых моральных сил и всей отпущенной им природой смелости. Однако даже с сегодняшних позиций это выглядит несколько странно, если не сказать — смешно. Возникает ощущение, что война в Европе и война в СССР — это две совершенно разные войны.

Конечно, если мы будем говорить о борьбе против оккупантов на территории Советского Союза, то неизбежно выяснится, что вокруг реальных боевых действий, саботажа и диверсий скопилось немало вымысла, мифов, а то и откровенной подтасовки фактов, что на самом деле всё было не настолько масштабно, как мы с детства привыкли думать. Однако никто не будет спорить, что партизанская борьба была, причём велась она не на жизнь, а на смерть, что рейды отрядов Ковпака по вражеским тылам причиняли немцам серьёзное беспокойство, что за спиной у наступавшей армии противника взлетали на воздух мосты, обрывались пути снабжения, ликвидировались склады. То есть был реальный стержень, вокруг которого вполне могла скопиться разнообразная «накипь».

Но в Западной Европе такого стержня не было. И даже относительно активное сопротивление во Франции нельзя считать всенародным, поскольку

соглашателей было больше. Именно они, а не участники Сопротивления, составляли подавляющее большинство. И подавляющее настолько, что сегодня популярные европейские авторы с лёгкостью оправдывают коллаборационистов и «заступаются» за добровольцев легионов СС, тем более что одним из наиболее ярких информационных трендов сегодня является всеобщая толерантность. Мало того, по данным интернет-опроса, 22% участвовавших в нём российских пользователей вовсе не считают коллаборационистов предателями, а ещё 24% склонны «входить в их жизненные обстоятельства». Нельзя не отметить, что цифры эти, мягко говоря, тревожат.

Само понятие «преступное соглашательство», собственно коллаборационизм, оказалось на слуху после того, как политика гитлеровской Германии стала неприкрыто агрессивной, т. е. после оккупации стран Бенилюкса и Франции. При этом об Австрии, скажем, и речь не идёт, поскольку аннексия ближайшего немецкоязычного соседа не вызвала у европейцев никакого протеста, даже у тех, кто боялся нового усиления Германии и повторения бисмарковского объединения немецких земель. И тот же самый Артур Зейсса-Инкварт — коллаборационист по своей сути — вовсе не воспринимался общественностью как предатель. И только тем, кто пошёл по его пути во Франции, Бельгии и Нидерландах, было брошено в лицо это обвинение. Впрочем, далеко не сразу и не всеми, что характерно.

Безусловно, надо понимать, что среди коллаборационистов были люди разные. Многие из них, несмотря на закрепившуюся за ними дурную славу соглашателей, были более чем достойными гражданами. Достаточно назвать, к примеру, Анри Петена — героя Первой мировой войны, маршала Франции, который, подписав капитуляцию Франции, заявил, что «лучше стать нацистской провинцией, чем британской колонией». И тех, кто на тот момент разделял его точку зрения, нашлось немало. Руководствуясь именно этой логикой, он и стал главой коллаборационистского правительства.

Не менее достойным прошлым могли похвастаться министр иностранных и внутренних дел вишистского правительства Пьер Лаваль, ушедший в 1914 г. на фронт добровольцем, и Жан-Луи Дарлан — героический командир морской батареи в Первую мировую войну, ставший военным министром Петена. Нельзя не упомянуть и датского короля Христиана X. Когда немецкие войска подошли к границе с Данией, он призвал свой народ не оказывать им сопротивления, в результате чего на протяжении почти всей войны в стране сохранялась видимость независимости: король оставался на троне; правительству подчинялись армия, флот и полиция; свободно работали государственные учреждения; практически не подвергались репрессиям цыгане и евреи.

Вполне понятно, что заставило этих людей пойти на сотрудничество с Гитлером: они просто

не видели иного выхода. Считая национал-социализм не таким уж опасным явлением, они предпочли иметь дело с ним, а не со Сталиным; или с Германией, а не с Англией.

С другой стороны, были и те, кто ждал прихода оккупантов как манны небесной, строя на этом свои личные планы, свою политическую карьеру. Назовём буквально несколько наиболее характерных имён. В первую очередь, это Жак Дорио, близкий знакомый Ленина и Троцкого, пацифист, из идеологических соображений сдавший в плен немцам во время Первой мировой войны. К середине 30-х гг. он круто поменял свои политические воззрения и из коммуниста превратился в нациста, основав Французскую народную партию (ФНП), весьма похожую на Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Думается, этого персонажа неплохо характеризует то, что вскоре после оккупации Франции он получил чин лейтенанта СС. Второе имя — Жозеф Дарнан. В отличие от Дорио, в Первую мировую с немцами он воевал, что не помешало ему в период оккупации возглавить подконтрольную вишистскому правительству карательную структуру, проводившую аресты членов Сопротивления и прочих «неблагонадёжных» граждан, которым не нравился новый порядок. Неудивительно, что в 1943 г. он получил звание майора СС и стал шефом французской полиции. Наконец, нельзя не вспомнить Поля Мариона — тоже коммуниста, вступившего впоследствии в ФНП и отвечавшего в правительстве Виши за информацию и пропаганду. Параллельно он возглавлял Комитет друзей войск СС.

Ещё одно имя, которое просто нельзя не назвать, — Видкун Квислинг. Этот двойной предатель не только презрел интересы собственного народа, но и нарушил присягу, принесённую им норвежскому королю. Хокон VII Норвежский, в отличие от своего датского собрата, не принял немецкого ультиматума. Норвегия оказала сопротивление оккупантам, и почти два месяца ей удавалось сдерживать мощь военной машины рейха. Для небольшой по европейским меркам страны это своего рода рекорд. Но речь не об этом. Когда немецкие войска вошли в Осло, Видкун Квислинг — лидер национал-социалистической партии «Народное собрание», не самой крупной и далеко не

самой популярной в стране, объявил о создании нового норвежского правительства, а себя провозгласил его главой, приказал арестовать короля и прекратить сопротивление. В глазах всего мира он стал не просто коллаборационистом, но дважды предателем. От этого клейма ему не удалось избавиться до последних дней жизни, а словечко «квислинг» стало расхожим обозначением для предателей любого сорта. Пребывание такого человека у власти настолько разгневало норвежцев, что спустя всего пять дней правительство «квислингов» было распущено.

Что же в итоге? В итоге мы можем констатировать, что «соглашательство» Европы с Гитлером произошло задолго до того, как впервые заговорили о коллаборационизме и коллаборационистах. Одни европейские политики — плоть от плоти современного им общества — были заранее готовы пойти на союз с Гитлером. Тот представлялся им наименьшим злом, силой, которую можно если не подчинить, то приручить, а то и признать руководящей. Другие — заранее рассматривали нацизм как козырную карту, которую можно разыграть на пёстром сукне европейского стола. В любом случае, думается, можно смело говорить об общем идеологическом кризисе Европы накануне Второй мировой войны, о том, что главная причина её соглашательства состояла в отсутствии идеи, которую можно было бы противопоставить нацизму. О том, что Европа покорила Третьему рейху ещё до того, как он стал по-настоящему опасен, из врага потенциального превратился во врага явного.

Пожалуй, тут-то и кроется основная системная ошибка, лишаящая смысла любые попытки уравнивать предательство генерал-лейтенанта Власова и коллаборационизм европейцев. Если говорить о Петене и короле Христиане X или даже о Дорио и Дегреле, то к ним понятие коллаборационизма вполне применимо. В случае же с Андреем Власовым речь может идти только о предательстве. Сравнить Власова с его «идейными предшественниками» бесполезно и бессмысленно. В отличие от коллаборационистов Европы, он прекрасно представлял себе суть нацистского режима и видел, на чьей стороне выступает против собственного народа. Любая попытка по-другому оценить его действия — как минимум аморальна.

Архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник Сретенского монастыря

Исторические персонажи как оружие в назойливых дискуссиях и информационных войнах

Я хотел бы представить вашему вниманию не доклад, а лишь небольшое сообщение.

В сентябре нынешнего года в разгар навязанных нам дискуссий о личности генерала Власова я имел неосторожность напечатать в «Известиях» следующее: «...Пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева,

а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее». На днях я встречался со студентами нашей московской Сретенской семинарии. Это высшее учебное заведение, где учатся студенты со всей России. Сначала я обратился к самым младшим, к первокурсникам, и спросил, знают ли они, кто такой генерал Карбышев? Из 35 человек подняли руку только двое.

На втором курсе имя генерала Карбышева знали тоже двое, на третьем, четвёртом — двое–трое. И только на пятом, где читается специальный курс отечественной истории XX в., о Карбышеве знали все. Замечу, что наши студенты воспитывались в православных семьях, где любовь к Родине в большинстве случаев прививается и культивируется с детства. Думаю, что родители этих студентов, так же как и я, будут поражены результатами этого опроса. Скорее всего, они твёрдо уверены, что такого рода знания, несомненно, сообщаются детям в школе.

Нам говорят о нецелесообразности единого учебника по истории нашей страны, приводят аргумент, что учебники должны быть разнообразными и выражать различные точки зрения. Но складывается тревожное впечатление, что при всём декларируемом разнообразии эти учебники как раз удивительно однообразны. Студенты Сретенской семинарии приехали со всей России, а значит, учились по разным учебникам, но результат один: почти никто не знает о такой личности, как генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев. И лишь один студент сказал, что узнал о Карбышеве в школе. А жил и учился он в Казахстане, в городе Петропавловске.

Потом я задал другой вопрос: кто знает кто такой генерал Власов? Подавляющее большинство подняло руки. На вопрос о том, что они знают о Власове, ответы разнились от «инициатора национально-освободительной борьбы» (этих, слава Богу, было немного) до «изменника, который предал свою Родину». Таких ответов, к счастью, было значительно больше. Были и те, кто вынес из курса средней школы смутное представление о том, что вопрос этот неясный. И хотя почти ничего о Власове они не знают, но, по их мнению, негатив о нём — это советская пропаганда, и вполне возможно, что именно он, Власов, и был настоящим героем войны.

Было бы странно, если бы в молодых головах такие мысли не возникали, когда, например, в школьном учебнике И. И. Дауцкого для 10–11-х классов помещена фотография А. А. Власова с подписью: «А. А. Власов перед солдатами РОА. Освободитель или изменник?»

Итак, перед нами результаты очередного сокрушительного поражения в очередной информационной войне. Цели оппонентов вполне достигнуты хотя бы потому, что о Карбышеве в молодёжной среде не знает почти никто, а о Власове, напротив, знают поч-

ти все. О нём активно спорят, обсуждают его правоту или неправоту, возможность перехода на сторону противника, если «правительство неправильное», и т. п. Но ведь мы прекрасно понимаем, что, в сущности, не имеет особого значения, в каком контексте идёт обсуждение, поскольку согласно простейшим и столь эффективным в сегодняшнем обществе законам рекламы — лишь бы имя было на слуху. Да и цель ясна — по сильнее взбудоражить общество, а дальше сработает принцип, который так замечательно был сформулирован во время Французской революции «другом народа» Маратом: «Постоянно поддерживая народ в возбуждённом состоянии, пока основу существующего строя составят справедливые законы».

Этот тезис сегодня актуален как никогда. Вот, например, что не без удовлетворения констатирует известный американский советолог Стивен Коэн, имея в виду ещё одного исторического деятеля, имя которого уже много лет последовательно используется для «поддержания народа в возбуждённом состоянии»: «Сталинский вопрос имеет отношение ко всей советской, даже российской, истории, пронизывает и заостряет современные политические вопросы. Сталинский вопрос запугивает как высшие, так и низшие слои общества, сеет распри среди руководителей, влияет на принимаемые ими политические решения, вызывает шумные споры в семьях, среди друзей, на общественных собраниях. Конфликт принимает самые разнообразные формы: от философской полемики до кулачного боя».

Итак, в качестве чрезвычайно эффективного оружия в нынешних информационных войнах успешно используются фигуры исторических деятелей из средневековой и новейшей истории. Их имена — царей, гетманов и генеральных секретарей — у всех на слуху. Цели этих назойливых дискуссий очевидны: как с печалью предсказывал покойный старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин), нам будут навязывать «смущение, смятение и неразбериху».

Но главная проблема всё же, как всегда, в нас самих. И, возвращаясь к статье в «Известиях», с которой я начал своё сегодняшнее сообщение, позволю себе переписать её концовку: «Если мы наконец не сделаем всё, чтобы дети в нашей стране узнали и полюбили великие имена и подвиги своих предков, то люди нового поколения вынуждены будут выбрать для себя в герои тех, кого им навяжут, а не тех, о ком мы не нашли ни возможности, ни времени рассказать».

Дробязко Сергей Игоревич, кандидат исторических наук

Восточные формирования в составе вермахта. проблема определения численности

Численность советских граждан, служивших в 1941–1945 гг. в рядах германских вооружённых сил, является одним из показателей масштабов коллаборационизма, т. е. сотрудничества с врагом, причём наиболее активной его формы. Эта цифра до сих пор

остаётся одним из спорных вопросов истории Второй мировой войны. Так, в зарубежной литературе уже полвека имеет хождение цифра в 1 млн человек, основанная, как правило, на оценках германского командования о количестве представителей различных

народов СССР, состоявших в рядах вермахта и других военизированных формирований Третьего рейха, а также на сводных данных о численности отдельных категорий таких военнослужащих. При этом данная цифра (её иногда увеличивают вдвое и больше) вплоть до сегодняшнего дня часто служит одним из главных аргументов для тех, кто пытается поставить знак равенства между сотрудничеством советских граждан с противником и их сопротивлением коммунистическому режиму.

В отечественных публикациях по данной проблеме, напротив, прослеживается тенденция занижения численности наших соотечественников, состоявших на службе в войсках противника. Причём если в «доперестроечные» годы соответствующие издания и публикации избегали называть конкретные цифры, рассуждая лишь о «ничтожной кучке предателей», то в последнее время некоторые авторы приводят собственные математические выкладки, не подкреплённые, однако, никакими документальными материалами. Примером этому, в частности, могут служить данные Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, согласно которым за годы войны в составе строевых и нестроевых формирований германской армии и полиции служило 250–300 тыс. советских граждан, в том числе 180 тыс. военнопленных. Эти цифры получены в результате простого сложения данных о составе нескольких наиболее крупных формирований и отдельных категорий «восточных добровольцев», зачастую не подтверждённых документально и существенно противоречащих имеющейся информации.

Чтобы получить верное представление об этой проблеме, необходимо обратиться к документам германского командования, фиксирующим численность так называемых «восточных» войск. Прежде чем перейти к обзору этих материалов оговорим основные категории формирований, которые будут в них упоминаться. Согласно документам германского командования, закреплявшим организационные основы и статус «местных вспомогательных сил», последние подразделялись на три основные категории: (1) боевые части, включавшие формирования восточных легионов из представителей нацменьшинств, казачьи части, а также восточные батальоны и роты, состоявшие главным образом из русских и украинцев; (2) охранные и полицейские части в оккупированных районах, подведомственные военной администрации; (3) добровольцы вспомогательной службы в составе немецких частей (так называемые «хиви» — от немецкого *хильфсвиллиге*: добровольные помощники, или, буквально, желающие помочь). К вышеперечисленным категориям не относятся вспомогательная полиция рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», а также добровольческие формирования войск СС.

Боевые части. Создание германским командованием восточных легионов — частей, сформированных из представителей тюркских, кавказских

и угрофинских народов СССР, помимо чисто военных целей преследовало и цели политические: привлечь на свою сторону национальные меньшинства Советского Союза под лозунгами борьбы против большевизма и русификации. Решение об организации первых четырёх легионов — Туркестанского, Кавказско-магометанского, Грузинского и Армянского — было принято в ноябре 1941 г., а уже в январе-феврале 1942 г. на территории Польши были организованы центры формирования, куда из лагерей стали направлять военнопленных соответствующих национальностей. В мае 1942 г. на территории Полтавской области Украины на базе штаба 162-й пехотной дивизии вермахта был создан ещё один такой центр. В августе 1942 г. Кавказско-магометанский легион был переименован в Азербайджанский и из его состава, как и из состава Грузинского, были выделены представители различных горских народов, объединённые в Северокавказский легион. Тогда же был создан Волжско-татарский легион (который называли также Волжско-Уральским — «Идель-Урал»), объединивший в своих рядах поволжских татар, башкир, марийцев, мордву, чувашей и удмуртов.

Сформированные батальоны направлялись на фронт или в тыловые районы для несения охранной службы. Осенью 1942 г. некоторые из этих батальонов приняли участие в боях против Красной армии на Северном Кавказе, где часть их личного состава, воспользовавшись случаем, перешла на сторону противника. Ненадёжные части снимались с фронта, разоружались и переформировывались во вспомогательные. Процесс разложения восточных легионов усилился в 1943 г. под воздействием военных неудач Германии. Из-за участия в случаях перехода легионеров на сторону советских войск и партизан германское командование приняло решение снять эти части с Восточного фронта и отправить во Францию и на Балканы.

За время действия центров формирования в Польше (до конца 1943 г.) и на Украине (до мая 1943 г.) было создано 80 полевых батальонов: 26 туркестанских, 14 азербайджанских, 9 северокавказских, 12 грузинских, 11 армянских, 7 волжско-татарских и 1 волжско-финский. Кроме того, в составе вермахта появилось большое количество строительных, железнодорожных, транспортных и прочих частей и подразделений, обслуживавших германскую армию, но не принимавших непосредственного участия в боевых действиях. Среди них — 7 туркестанских (на самом деле — многонациональных) строительных батальонов и батальонов снабжения, 5 туркестанских рабочих батальонов (составлявших сапёрную бригаду «Боллер»), 202 отдельные роты (111 туркестанских, 30 грузинских, 22 армянские, 21 азербайджанская, 15 волжско-татарских и 3 северокавказские). Следует упомянуть также кавказское особое соединение абвера «Бергман», сформированное в конце 1941 г. первоначально как батальон и развёрнутое в начале 1943 г. в полк трёхбатальонного состава.

Центр формирования восточных легионов на Украине в мае 1943 г. был преобразован в экспериментальную 162-ю тюркскую пехотную дивизию под командованием генерал-майора О. фон Нидермайера, основой для которой послужили несколько полевых батальонов, как уже действовавших, так и находившихся в стадии организации. В сентябре того же года эта дивизия была отправлена в Словению, а затем в Италию, где до конца войны несла охранную службу и участвовала в боях с партизанами и англо-американскими войсками.

Казачьи части в составе вермахта имели особый статус благодаря репутации казаков как непримиримых борцов с большевизмом в годы Гражданской войны, а также благодаря «теории» об их германском происхождении. Первой такой частью стал сформированный 28 октября 1941 г. в Могилёве в соответствии с приказом командующего тыловым районом группы армий «Центр» генерала пехоты М. Шенкендорфа казачий эскадрон под командованием бывшего майора Красной армии И. Н. Кононова, который был развёрнут в течение года в дивизион общей численностью до 1,8 тыс. человек. Казачьи части численностью от эскадрона (роты) до полка создавались также штабами ряда армий, корпусов и дивизий. В июне 1942 г. в городе Славута по инициативе штаба командующего лагерями военнопленных на Украине был создан центр формирования казачьих частей, куда предписывалось направлять всех военнопленных, по своему происхождению принадлежавших к казачьему сословию бывшей Российской империи или считавших себя таковыми. За время деятельности этого центра сначала в Славуте, а затем в Шепетовке (до весны 1943 г.) здесь удалось сформировать до 30 частей разной численности, использовавшихся для несения охранной службы на оккупированной территории.

После вступления германских войск на территорию бывших казачьих областей Дона, Кубани и Терека там по инициативе антисоветски настроенных местных жителей также началось формирование казачьих частей для борьбы против Красной армии и партизан. Эти казачьи полки и сотни приняли активное участие в зимних боях против наступающих советских войск. Часть их была уничтожена, а остальные вместе с десятками тысяч гражданских беженцев из казачьих областей ушли с немцами на запад, став основой для созданного весной 1944 г. Казачьего стана, объединившего казачьи беженские станицы и воинские части под руководством походного атамана С. В. Павлова.

Весной 1943 г. германское командование приступило к формированию 1-й казачьей кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора Г. фон Паннвица, отобрав для этого наиболее боеспособные казачьи части с разных участков фронта. С осени 1943 г. и до конца войны эта дивизия действовала на территории Хорватии и Боснии против югославских партизан Тито, а в декабре

1944 — марте 1945 г. отдельные её части воевали против советских и болгарских войск. В августе 1944 г. 1-я казачья дивизия была подчинена СС, и с этого же момента началось её развертывание в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС. В него влились другие казачьи части, переброшенные с Западного и Восточного фронтов. Переформирование завершилось в феврале 1945 г. Две входившие в дивизию кавалерийские бригады были переименованы в 1-ю и 2-ю казачьи дивизии без изменения их организационной структуры, созданы Пластунская бригада и ряд частей корпусного подчинения. В конце апреля 1945 г. командование 15-го казачьего кавалерийского корпуса объявило о присоединении к вооружённым силам Комитета освобождения народов России (КОНР) и переходе в подчинение генералу А. А. Власову, хотя в условиях военного и политического коллапса Третьего рейха это присоединение имело лишь символический характер.

Наряду с казачьими формированиями особым статусом в вермахте пользовались калмыцкие части. Калмыцкие эскадроны, возникшие благодаря усилиям абвера и командования 16-й моторизованной дивизии, оккупировавшей районы Калмыцкой АССР, осуществляли разведку и патрулирование в прикаспийских степях, где отсутствовала сплошная линия фронта. После немецкого отступления они были сведены в кавалерийский полк в составе четырёх дивизионов, позднее именованный корпусом (от 2,5 до 5 тыс. человек), который использовался для несения охранной службы и борьбы с партизанами. В самом конце войны остатки калмыцких частей были включены в состав 15-го казачьего кавалерийского корпуса.

Первые восточные батальоны и роты из представителей в основном славянских народов СССР были созданы в конце 1941 — начале 1942 г. на базе более мелких охранных и полицейских частей, возникших в тыловых районах действующей армии. Личный состав этих команд и отрядов (из числа освобождённых военнопленных и жителей оккупированных областей) сводился в более крупные части, которые усиливались немецкими военнослужащими, обеспечивались стандартным обмундированием и вооружением с трофейных складов, проходили военную подготовку под руководством немецких офицеров и превращались, таким образом, в полноценные боевые формирования, способные выполнять самые разные задачи — от охраны объектов до проведения карательных операций в партизанских районах.

К концу 1942 г. почти каждая из действовавших на Восточном фронте немецких дивизий имела одну, а иногда две русские или украинские роты, а корпус — роту или батальон. В распоряжении тылового командования групп армий имелось по несколько восточных батальонов и рот, а в составе охранных дивизий — восточные кавалерийские дивизионы и эскадроны. Помимо этого действовали роты самообороны при комендатурах, отряды и команды по

охране железных и шоссейных дорог, предприятий и лагерей военнопленных.

Большая часть восточных батальонов и рот были пехотными, однако наряду с ними имелись кавалерийские дивизионы и эскадроны, артиллерийские дивизионы и батареи, сапёрные, строительные, штабные части, а также подразделения снабжения и связи. В отличие от национальных легионов восточные батальоны и роты создавались исключительно ради удовлетворения насущных нужд германской армии в охранных и вспомогательных частях, без какого бы то ни было политического подтекста. Лишь в начале 1943 г. в связи с изменением пропагандистских установок большинство восточных батальонов и рот стали номинально считаться частями Русской освободительной армии (РОА), а остальные — частями Украинского вызвольного вийска (УВВ).

Осенью 1943 г., опасаясь за надёжность восточных частей в связи с изменением хода войны в пользу антигитлеровской коалиции, германское командование распорядилось вывести основную часть батальонов с Восточного фронта и перебросить их в Западную Европу — во Францию, Италию и Данию. Восточные батальоны приняли активное участие в боях против высадившихся в июне 1944 г. во Франции англо-американских войск. Некоторые из них при этом удостоились высоких оценок германского командования, однако большинство показали низкую боеспособность и боевой дух. Часть батальонов была разбита и пленена союзными войсками, а некоторые оказались блокированными вместе с немецкими гарнизонами в «крепостях» Атлантического вала. В конце того же года личный состав ряда восточных батальонов был передан на формирование 1-й и 2-й дивизий РОА. Одновременно из батальонов, несших охранную службу на территории Дании, была сформирована 599-я русская гренадерская бригада в составе двух русских и одного кавказского полков. Они имели единую нумерацию с полками 1-й дивизии РОА, однако бригада до самого конца войны оставалась в составе вермахта, равно как и несколько русских батальонов на Западном фронте и в Италии.

Охранные и полицейские части, первоначально называвшиеся «милицией» или «самообороной», появились в зоне ответственности германской военной администрации осенью 1941 г. по инициативе местных оккупационных властей, взаимодействовавших с представителями коллаборационистской администрации. Пытаясь разрешить проблему нехватки охранных частей в тыловых районах действующей армии, Главное командование германских сухопутных войск приказом 1-го квартирмейстера Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф. Паулюса от 9 января 1942 г. уполномочило командование групп армий формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части — *хундертшафтен* (сотни) из военнопленных и жителей ок-

купированных областей, враждебно относящихся к советской власти.

Благодаря усилиям местных командных инстанций вермахта весной 1942 г. в тыловых районах групп армий и армий появилось множество охранных вспомогательных частей, не имевших, как правило, ни чёткой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в обеспечении безопасности во время уборки урожая, охраны комендатур, складов, железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных, где они должны были заменить немецких солдат, необходимых на фронте. Привлекались эти вспомогательные части также и к участию в антипартизанских операциях, для чего в отдельных случаях в их составе создавались специальные *ядкоманды*.

В группе армий «Север» такие части были известны как *айнвонеркампфсфербенде* или *айнвонеркампфсбтайлунген* (местные боевые соединения и отряды), в группе армий «Центр» — как *орднунгсдинст* (служба порядка), *фольксвер* и *фольксмилици* (народная стража и народная милиция), в группе армий «Юг» (впоследствии разделённой на группы армий «А» и «Б») — как *хильфсвахманншафтен* (вспомогательные охранные команды). Эти отряды, формировавшиеся по территориальному принципу, насчитывали от 100 до 250 человек. В некоторых случаях они сводились в более крупные части, а на территории Локотского автономного округа (Орловская область) из частей местной «народной милиции» была сформирована бригада в составе пяти пехотных полков и бронедивизиона общей численностью до 12 тыс. человек с танками, бронемашинами и артиллерией. Возглавляемая локотским обер-бургомистром Б. В. Каминским, она носила претенциозное название «Русская освободительная народная армия» (РОНА).

В конце 1943 — начале 1944 г. эти отряды в основном прекратили своё существование, влившись в состав регулярных формирований восточных войск — восточных батальонов и рот. Часть их личного состава дезертировала или перешла на сторону партизан. Бригада Каминского вошла в состав войск СС и в августе 1944 г. принимала участие в подавлении Варшавского восстания. В конце того же года её личный состав был передан на формирование 1-й дивизии РОА.

Добровольцы вспомогательной службы. Летом 1941 г. командиры германских соединений и частей, пытаясь своими силами решить проблему нехватки личного состава, возникшую из-за больших боевых потерь, стали высвобождать для фронта солдат тыловых подразделений, привлекая на их место добровольцев из числа военнопленных и гражданского населения, которых использовали как шофёров, конюхов, рабочих на кухне, разнорабочих и т. п. Добровольцы служили в составе рабочих команд, обозов,

санитарных частей, а также в боевых подразделениях в качестве подносчиков патронов, связанных и сапёров. Известные первоначально как «наши русские» и «наши иваны», со временем они получили общее обозначение — «хиви» (см. выше).

Со временем некоторые «хиви», поначалу зачисленные на вспомогательные должности, переводились в состав охранных команд и антипартизанских отрядов, а те, что входили в состав боевых частей, получали оружие и участвовали в боях наравне с немецкими солдатами. По немецким оценкам, таковых было около 20% от общего числа «хиви». Штатная численность «хиви» увеличивалась при фактическом уменьшении штатов немецких дивизий. Так, штаты пехотной дивизии, установленные 2 октября 1943 г., предусматривали привлечение 2005 добровольцев на 10708 немецких военнослужащих (т. е. более 15%).

В люфтваффе в составе эскадрилий наряду с техническим и вспомогательным персоналом действовали русские экипажи, а во флоте комплектовались добровольцами из числа советских граждан части берегового обслуживания, батареи зенитной и береговой артиллерии и даже команды вспомогательных судов. Своими «хиви» обзавелись и военизированные вспомогательные организации, такие как Имперская служба трудовой повинности (РАД), военно-строительная «Организация Тодта» и транспортная организация «Шпеер». Если же говорить о географии их применения, то вспомогательный персонал из числа советских граждан был задействован практически на всех театрах военных действий — от Восточного фронта до Атлантического побережья Франции и от Норвегии до Северной Африки.

Одна из первых попыток определить общую численность восточных формирований и добровольцев, состоявших в рядах германской армии, была предпринята штабом генерала восточных войск — структуры, созданной в декабре 1942 г. для координации процессов формирования, обучения, материально-технического обеспечения и боевого применения частей, сформированных из советских граждан. В докладной записке капитана Доша от 2 февраля 1943 г. общий их численный состав в различных формированиях вермахта оценивался в 750 тыс. человек*. Из них 220–230 тыс. человек служили в боевых и охранных частях (80 тыс. — в национальных легионах, 80 тыс. — в восточных батальонах и ротах и 60–70 тыс. — в службе охраны порядка в тыловых районах), а 400 тыс. составляли добровольцы вспомогательной службы («хиви»). Однако при этом неясно, чем занимались остальные 120–130 тыс. человек. Возможно, это были военнопленные и гражданские лица, работавшие при немецких частях, но не занимавшие штатные должности.

Генерал восточных войск Х. Гельмих в своей докладной записке в Главное командование сухопутных войск от 22 марта 1943 г. определил общую численность своих подопечных в 430 тыс. человек: восточные батальоны (и роты) — 75 тыс., восточные легионы — 42,5 тыс., «хиви» — 310 тыс. При этом в записке отсутствуют данные по службе охраны порядка, а численность «хиви», как показывают другие источники, указана не фактическая, а штатная. Другие данные, предоставленные Гитлеру на совещании в Берхтесгадене 8 июня 1943 г. начальником Генерального штаба того же командования генерал-полковником К. Цейтцлером, выглядят ещё более скромными: 1 полк, 78 батальонов, 122 отдельные роты, 60 тыс. человек в составе отрядов местной вспомогательной полиции в тыловых районах и 220 тыс. «хиви». Он упомянул также о двух формирующихся дивизиях — 1-й казачьей и 162-й тюркской. В сумме получается около 360 тыс. человек, и данная цифра, скорее всего, недалеко от действительности.

Ещё два документа, содержащие сведения о численности советских граждан в рядах германских вооружённых сил, относятся к последним месяцам войны. Один из них — справка Министерства по делам оккупированных восточных территорий, где приводятся данные по состоянию на 24 января 1945 г. о численности представителей народов СССР, состоящих на службе в вермахте, войсках СС, полиции и различных военизированных формированиях, таких как «Организация Тодта» и РАД. Согласно этим данным, среди указанного контингента было 310 тыс. русских, 104 тыс. латышей, 36,8 тыс. литовцев, 36,5 тыс. азербайджанцев, 20,5 тыс. татар и представителей народов Средней Азии, 19 тыс. грузин, 15 тыс. представителей народов Северного Кавказа, 10 тыс. эстонцев, 10 тыс. крымских татар, 7 тыс. армян и 5 тыс. калмыков. Общая численность «восточных добровольцев», согласно этим данным, составляла 573,8 тыс. человек, а с учётом не упомянутых по какой-то причине казаков, украинцев и белорусов — более 600 тысяч.

Второй документ — справка, переданная правительством адмирала К. Дёница представителям союзного командования во Фленсбурге 20 мая 1945 г., в которой указано, что численность советских граждан, находившихся на службе в германских вооружённых силах на февраль 1945 г., составляла 665–675 тыс. человек, из них 600 тыс. — в сухопутных войсках, 50–60 тыс. — в люфтваффе и 15 тыс. — на флоте. Некоторые авторы, в частности А. Даллин, полагают, что данные цифры касаются только «хиви». Однако более вероятно, что речь идёт обо всех категориях «восточных добровольцев», причём не только в вермахте, но и в других военных и военизированных формированиях. В этом случае цифры «фленсбургской справки» вполне согласуются с приведёнными выше.

* Примерами подобных оценок могут служить также данные М. А. Гареева — 200 тыс., Л. Е. Решина — 280 тыс. и П. А. Пальчикова — 40 тыс.

Примером наиболее взвешенной оценки численности восточных формирований является фундаментальное исследование истории германской сухопутной армии в 1933–1945 гг., подготовленное бывшим генералом вермахта Б. Мюллером-Гиллебрандом. Согласно его данным в первой половине 1943 г. численность восточных войск (без «хиви») составляла от 130 до 150 тыс. человек, а добровольцев вспомогательной службы — от 220 до 320 тыс., т.е. всего от 350 до 470 тыс. человек. К концу 1943 г. численность восточных войск, по Мюллеру-Гиллебранду, увеличилась до 370 тыс. человек (очевидно, не только в вермахте, но и в войсках СС и полицейских частях, действовавших в оперативном подчинении армии), а «хиви», напротив, сократилась до 150–250 тыс. В итоге общая их численность достигла 520–620 тыс. человек.

Сводные таблицы по организации восточных войск, отражающие распределение частей по театрам военных действий, позволяют определить общую численность этих войск с достаточной степенью точности. При этом необходимо установить среднюю численность таких соединений, как полк, батальон и рота. В нашем распоряжении имеются, например, таблицы по восточным формированиям групп армий «Центр» и «Юг». Используя средние значения численности отдельных частей (без учёта немецких военнослужащих), можно вывести общую численность формирований восточных войск по состоянию на конкретную дату. Взяв в качестве исходных данных средние значения численности полка (1,5 тыс. человек), батальона восточного легиона (700), восточного или казачьего батальона/дивизиона (500) и отдельной роты/эскадрона/батареи (200), мы можем определить приблизительную численность восточных войск по состоянию на 5 мая и на 22 ноября 1943 г. в 171,5 тыс. и 192,6 тыс. человек соответственно. При всей очевидной погрешности подобных расчётов приведённые данные представляются близкими к истине.

Суммируя их с зафиксированными в «Военном дневнике Верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии» данными о численности добровольцев вспомогательной службы по состоянию на 15 марта и 1 декабря 1943 г. (соответственно 147,9 тыс. и 262,3 тыс. человек), а также с приведёнными выше сведениями местной вспомогательной полиции тыловых районов (60–70 тыс. человек), можно приблизительно определить общую численность советских граждан, служивших в рядах вермахта в 1943 г., — 380–540 тыс. человек, в том числе 170–200 тыс. в составе отдельных восточных боевых и тыловых частей, 60–70 тыс. в составе вспомогательной полиции, 150–270 тыс. в рядах добровольцев вспомогательной

службы (включая наземный персонал люфтваффе и личный состав «Организации Тодта»).

Интересно, что в последние полтора года войны численность восточных войск сохранялась примерно на одном уровне. Согласно имеющимся в распоряжении автора сводным таблицам штаба генерала добровольческих соединений (так с 1 января 1944 г. именовалась должность генерала восточных войск), общая расчётная численность этих формирований составляла: на 9 июня 1944 г. — 204 тыс., на 8 октября 1944 г. — 172,5 тыс., на 27 марта 1945 г. — 191,5 тыс. человек. На динамику численности влияли, с одной стороны, боевые и небоевые потери, а с другой — приток новых пополнений из лагерей военнопленных и передача в ряды восточных формирований контингентов из числа «хиви» и местной вспомогательной полиции.

За весь же период войны 1941–1945 гг. через восточные формирования вермахта, по самым осторожным нашим оценкам, прошло не менее 700 тыс. советских граждан, из которых примерно 300 тыс. служили в боевых и тыловых формированиях действующей армии (включая восточные легионы, казачьи части, восточные батальоны и роты) и в отрядах вспомогательной полиции в зоне военного управления, а остальные были добровольцами вспомогательной службы, состоявшими в частях германской армии в индивидуальном порядке или в составе небольших групп. Исключая не входившие в вермахт формирования (прежде всего легионы СС и местной вспомогательной полиции рейхскомиссариатов), численность которых можно оценить как минимум в 400 тыс. человек*, на службе Третьего рейха в годы Второй мировой войны состояло не менее 1,1 млн. наших соотечественников, а, возможно, и более.

Таким образом, цифра в 1–1,2 млн. представляется вполне реальной для оценки общей численности советских граждан, служивших в рядах вермахта и других вооружённых и военизированных формирований Третьего рейха. Согласно имеющимся данным, из них до 290 тыс. составляли жители прибалтийских республик (150 тыс. латышей, 90 тыс. эстонцев, 50 тыс. литовцев) и до 250 тыс. — представители тюркских и кавказских народов (75 тыс. туркестанцев**, 40 тыс. волжских татар, 20 тыс. крымских татар, 40 тыс. азербайджанцев, 30 тыс. северокавказцев, 25 тыс. грузин, 20 тыс. армян). Примерно половина общей численности военных коллаборационистов принадлежала к вспомогательному персоналу вермахта, зачастую не имевшему оружия, а также к местным городским и сельским командам вспомогательной полиции (включая пожарную охрану) и отрядам самообороны, хотя и вооружённым, но, как правило, не принимавшим участия в боевых действиях.

* К концу 1942 г. в рядах местной вспомогательной полиции рейхскомиссариатов состояло, по германским данным, более 300 тыс. человек. Численность прибалтийских и украинских частей СС за весь период войны оценивается в 90 тыс. человек.

** Приведённая цифра включает также военнопленных и восточных рабочих. Реальная же численность представителей народов Средней Азии в вермахте, по-видимому, была вдвое меньше. Более точных данных, к сожалению, нет.

С точки зрения морально-политического состояния эти антисоветские формирования с самого начала не были однородными. Наряду со сравнительно устойчивым ядром из идейных врагов советской власти было много колеблющихся, чей выбор в пользу сотрудничества с врагом был продиктован стремлением вырваться из лагерей для военнопленных. Немалую часть добровольцев составляли люди, внутренне готовые использовать момент для перехода на сторону Красной армии и партизан. Причём на протяжении войны численность первой категории неуклонно сокращалась, а последних двух — увеличивалась (например, в 1-й дивизии РОА в начале 1945 г., по немецким оценкам, их доля доходила до 80%).

В связи с вышесказанным едва ли коллаборационизм советских граждан и эмигрантов в годы Великой Отечественной можно считать вооружённым сопротивлением сталинскому режиму, а тем более выдвигать тезис о «второй гражданской войне». Хотя создание и деятельность ряда антисоветских формирований (таких, например, как Русский охранный корпус в Сербии, казачьи части вермахта и бригада Каминского) можно рассматривать как своего рода рецидив Гражданской войны, однако оценивать таким образом службу подавляющего большинства восточных частей, отрядов местной полиции и добровольцев вспомогательной службы совершенно неприемлемо.

¹ Военно-исторический журнал. 1991. №4. С. 49.

² Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1992.

³ Знамя. 1994. №8. С. 179.

⁴ Красная звезда. 1995. 31 марта.

⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002.

⁶ Новая и новейшая история. 1993. №2. С. 144.

⁷ Общая газета. 1996. 25–31 января.

⁸ Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Policies. Lon-don-NY, 1957.

⁹ Der Zweite Weltkrieg im Bilden und Dokumenten. Bd. 2. Munchen, 1962.

¹⁰ Lagebesprechungen im Fuehrerhauptquartier. Stuttgart, 1964.

¹¹ Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht. Frankfurt/Main, 1961–1965. Bd. 3. 01.04–30.06.1943; 31.12.1943.

Табачник Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, директор Национального экспертного института Украины, депутат Верховной рады Украины

Пролог власовщины: военные и полицейские формирования третьего рейха, созданные в 1941 г. из украинских националистов

Ко времени создания Русской освободительной армии (РОА) гитлеровские спецслужбы и командование вермахта уже имели значительный опыт создания и использования в войне против СССР коллаборационистских военных и полицейских подразделений, сформированных из украинских националистов. При организации власовских частей этот опыт широко ими использовался для военной, диверсионно-разведывательной, репрессивно-карательной и пропагандистской работы. Исходя из этого, изучение истории созданных немцами в 1941 г. формирований украинских националистов позволит лучше понять мотивы, которыми руководствовалось командование вермахта и СС в работе с власовскими коллаборационистами.

Наиболее крупными подразделениями, созданными абвером ещё до начала войны с СССР, являются батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» — специальные диверсионно-разведывательные подразделения, состоявшие из членов бандеровской Организации украинских националистов — ОУН(б).

В феврале 1941 г. референт разведки и связи ОУН(б) Рихард Ярый начал переговоры с предста-

вителями абвера об обучении нескольких сотен бандеровских боевиков. Итогом переговоров с участием Степана Бандеры, главы абвера адмирала Вильгельма Канариса и командующего Сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича стало соглашение о подготовке 800 рядовых и командиров для действий в тылу Красной армии после начала военных действий. В документах абвера создающиеся формирования были обозначены как специальное подразделение «Нахтигаль» и специальное подразделение «Роланд», которые из документов и историографии ОУН(б) известны как дружины украинских националистов («группа Север» и «группа Юг» соответственно), или Украинский легион имени Степана Бандеры.

Официально создание батальонов было санкционировано 25 февраля 1941 г. приказом адмирала Канариса.

Набор личного состава проводился в Кракове, где курсанты проходили базовую подготовку, и осуществлялся абвером согласно указаниям уполномоченных ОУН(б). Специализированная подготовка была налажена в лагерях на территории

оккупированной Польши и Германии, куда поначалу направляли тех, кто должен был получить усиленную диверсионно-разведывательную подготовку.

Курсанты обучались минному делу, диверсиям на транспорте и линиях связи, технике проведения террористических актов. После подготовки в лагерях основной состав «Нахтигалья» был переправлен в Бранденбург, где началось обучение совместным действиям с 1-м батальоном специального диверсионно-разведывательного полка абвера «Бранденбург-800». Его командир, майор Фридрих Гейнц, осуществлял общее руководство; обер-лейтенант Ганс-Альбрехт Герцнер был немецким командиром «Нахтигалья», а его украинским командиром от ОУН(б) — Роман Шухевич. Задачи координации между немецким командованием и ОУН(б) выполнял обер-лейтенант Теодор Оберлендер. Следует отметить, что Шухевич, не будучи гражданином Германии и вопреки Нюрнбергским расовым законам, благодаря Канарису сразу получил звание гауптмана, что было для вермахта исключительным случаем и показывало, какое значение придавало немецкое командование использованию украинских националистов.

К началу лета 1941 г. бойцы «Нахтигалья» были обучены технике диверсионно-разведывательной работы, батальон был укомплектован немецким командным составом и получил стандартное обмундирование вермахта.

В батальоне «Роланд» украинскими командирами были сначала Рихард Ярый, а потом Евген Побигущий, тоже получивший звание гауптмана.

Окончившие обучение к концу мая 1941 г. диверсионные группы «Нахтигалья» были переброшены на советскую территорию к середине июня. Им были поставлены задачи по минированию военных объектов, диверсиям на транспорте и линиях связи, террористические акты против командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Основную часть батальона, находившегося в оперативном подчинении командования 1-го батальона полка «Бранденбург-800», перебросили к линии наступления в районе Перемышля к 21 июня. Ему предстояло осуществлять диверсионные операции в передовом эшелоне группы армий «Юг». 22 июня в 3 часа утра 1-й батальон «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» перешли границу на реке Сан и начали продвижение в сторону Львова. Однако, если не считать ранее заброшенных в тыл Красной армии диверсионных групп, батальон исполнял в основном чисто карательные функции — уничтожал всех заподозренных в нелояльности к ОУН(б), не успевшие эвакуироваться семьи военнослужащих РККА, присланных с Востока Украины специалистов народного хозяйства, еврейское и в значительной мере польское население.

Сразу после вступления «Нахтигалья» во Львов, 29 июня 1941 г., началась операция по уничтожению польской интеллигенции, во время которой погибли 38 профессоров Львовского университета. Детальные

списки на уничтожение были составлены заранее, в них были указаны домашние адреса будущих жертв и их родственников.

По личному указанию Шухевича начались также массовые убийства евреев и всех заподозренных в отрицательном отношении к украинскому национализму. Общее количество жертв колеблется, по разным оценкам, от 3 до 4 тысяч. В конце концов убийства достигли такого незапланированного немцами размаха, что германское командование сочло необходимым через 10 дней передислоцировать «Нахтигаль» в Тернополь, откуда тот начал движение по маршруту Проскуров–Жмеринка–Винница. Как и ранее, диверсионно-разведывательных функций «Нахтигаль» практически не выполнял, а использовался как эйнзатцгруппа. По маршруту следования нахтигальевцы проводили карательные акции, включая тотальное уничтожение еврейского населения.

«Роланд» действовал на южном отрезке фронта, на румынской границе. Из-за менее успешного продвижения немецко-румынских войск он попал на территорию УССР только в июле 1941 г. и вообще не занимался диверсионно-разведывательной работой. Во время продвижения к Одессе батальон, как и «Нахтигаль», выполнял исключительно карательные функции, проводя массовые убийства еврейского населения. В октябре «Роланд» находился в городе Балта Одесской области, где расстрелял оставшихся евреев и значительную часть мирного населения других национальностей.

В конце октября 1941 г. оба батальона были переброшены во Франкфурт-на-Одере, где началось обучение личного состава для несения охранных полицейских функций и противопартизанской борьбы. В ноябре того же года «Нахтигаль» и «Роланд» были переформированы в 201-й шуцманншафтбатальон — первый из позднее сформированных семи украинских шуцманншафтбатальонов. Мотивы действий немецкого командования по расформированию спецподразделений и их передаче из подчинения абвера в ведомство рейхсфюрера СС Гимmlера достаточно очевидны: «Нахтигаль» и «Роланд» не оправдали ожиданий командования вермахта как диверсионно-разведывательные формирования, но оказались способны выполнять функции эйнзатцгрупп.

Уже 25 ноября 1941 г. с личным составом батальона начали заключать индивидуальные контракты сроком на 1 год — с 1 декабря 1941 г. по 1 декабря 1942 г. После прохождения обучения около 700 солдат и 22 офицера четырёх рот 201-го шуцманншафтбатальона были переброшены в Белоруссию, где перешли в подчинение обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Эриха фон дем Бах-Зелевски — начальника полиции сектора «Центральная Россия».

Этот батальон возглавил гауптман Евген Побигущий, а его заместителем и командиром одной из рот стал Роман Шухевич. С весны до зимы 1942 г. эта часть действовала против партизан и участвовала

в карательных операциях на территории Белоруссии. 29 сентября батальон понёс наибольшие потери — 27 солдат и офицеров.

За 9 месяцев пребывания в Белоруссии 201-й шуцманшафтбатальон потерял 49 человек убитыми и 40 ранеными, уничтожив, по его собственным данным, более 2 тыс. партизан. Однако, согласно имеющимся архивным документам партизанского движения, в зоне действий батальона партизаны в этот период понесли значительно меньшие потери. Не вызывает сомнения, что подавляющее большинство из «уничтоженных партизан» составляли мирные жители.

Среди прочих военных преступлений батальона в зоне его действий можно назвать и полное уничтожение еврейского населения.

За успехи в борьбе с партизанами офицеры Брилинский, Малый и Герцык были награждены медалями, а весь батальон — знаком «За борьбу с партизанами». При прощании с личным составом генерал Бах-Зелевски особо отметил, что из подчинённых ему подразделений батальон лучше всех справлялся с партизанами.

После истечения срока контракта, с 5 декабря 1942 г. до 14 января 1943 г., батальон частями был переброшен во Львов. В дальнейшем все служившие в нём заняли командные должности в дивизии СС «Галичина» и Украинской повстанческой армии (УПА). Так, Побигущий стал в 1944 г. командиром 1-го батальона 29-го гренадёрского полка дивизии СС «Галичина» и получил звание штурм-банфюрера СС, а Шухевич возглавил созданную при содействии абвера УПА.

Среди других украинских коллаборационистских формирований следует также отметить так называемые «курени» — подразделения украинской вспомогательной полиции, ставшие позднее основой для формирований шуцманшафтбатальонов.

Первым в начале августа 1941 г. был создан Буковинский курень. Он был сформирован по соглашению Андрея Мельника, руководителя ОУН(м), с командованием вермахта, выделившим финансирование и оружие. Командиром Буковинского куреня был назначен мельниковец Пётр Войновский, позднее возглавивший шуцманшафтбатальон и получивший звание штурмбанфюрера СС.

Курень присоединился к так называемым «походным группам» ОУН(м), которые с санкции немецкого командования направлялись на оккупированные территории Украины для создания органов коллаборационистской администрации и полиции. «Походные группы» действовали под руководством видных националистов Омеляна Сенюка и Мыколы Сциборского, а после их убийства бандеровцами 30 августа 1941 г. в Житомире командование над группами приняли Олесь Кандыбы-Ольжич и Зыбачинский.

Буковинский курень также считался резервом руководящих кадров для коллаборационистской ад-

министрации. Значительная часть командного состава куреня заняла в ней руководящие должности: например, ротный Орест Масикевич стал бургомистром Николаева.

В августе 1941 г. курень занимался уничтожением еврейского населения и советских военнопленных на территории Буковины. В сентябре «буковинцы» прибыли в Киев, где проводили расстрелы в Бабьем Яру, в том числе массовое убийство евреев 29–30 сентября, в ходе которого погибло более 33 тыс. мирных жителей.

Вместе с ними в этих расстрелах участвовал и Киевский курень — созданное в сентябре подразделение украинской вспомогательной полиции под командованием мельниковца Петра Захвалынского.

В ноябре 1941 г. Буковинский и Киевский курени были расформированы, а на их основе создана Киевская вспомогательная полиция под командованием Захвалынского, а также 115-й и 118-й шуцманшафтбатальоны. Эти батальоны охранной полиции были направлены немецким командованием для проведения карательных операций в Белоруссию, где отличались особой жестокостью даже по сравнению с немецкими эйнзатцгруппами. Так, именно 118-й шуцманшафтбатальон украинских националистов уничтожил Хатынь вместе с её жителями.

В заключение необходимо отметить, что националистический коллаборационизм нынешнее руководство Украины не только не осуждает, но и преподносит в качестве образца патриотизма. Символично, что президентским указом Шухевичу присвоено звание Героя Украины. И это решение, как и восхваление других коллаборационистов-националистов, в том числе воевавших в составе «Нахтигала», «Буковинского куреня», дивизии СС «Галичина» и УПА — вовсе не внутреннее дело Украины. Речь идёт не о локальном внутривнутриполитическом явлении. Впервые с 1945 г. на высшем государственном уровне предпринята попытка пересмотреть итоги Второй мировой войны, попытка не только реабилитировать, но и героизировать преступную организацию СС, попытка оправдать преступления против человечности и идеологию национал-тоталитаризма в целом. Такие действия уже давно были юридически квалифицированы как преступление приговором Нюрнбергского международного трибунала, который является неотъемлемой частью действующей системы международного права. Впервые Европа столкнулась с подобным вызовом, и ответ на него должен основываться не на эмоциях, а на положениях международного права.

Особую циничность действиям украинской власти придаёт то обстоятельство, что официальные СМИ и историки постоянно ссылаются на якобы проходящую в России реабилитацию Власова. При этом умалчивается, что власовщину пытаются реабилитировать только маргинальные организации и политики. Стараются не упоминать о том, что такие попытки немедленно получают должную оценку

органов государственной власти, и показательным в этом отношении является создание при Президенте России Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории. На Украине же речь идёт о последовательной государственной политике «коллаборационистской Реконкисты», а присвоение

звания Героя Украины преступникам, сооружение мемориалов эсэсовцам и палачам ОУН и УПА служат инструментами создания тоталитарной системы с неизменными со времён Второй мировой войны русофобской, антисемитской и антиправославной составляющими.

Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук, профессор Академии военных наук Министерства обороны РФ

Деятельность и ликвидация бандформирований на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны

Фашистская агрессия против СССР стала действенным фактором активизации антиросийски настроенных националистических сил Северного Кавказа. Обстановка во многом осложнялась тем, что в предвоенные годы были допущены перекосы в ходе коллективизации, репрессии в отношении местных руководителей, духовенства и интеллигенции, которые создавали потенциально конфликтную ситуацию в регионе. Эти обстоятельства оказались в центре внимания немецких спецслужб.

«С первых дней Великой Отечественной войны, — доносил в Ставку Военный совет Северо-Кавказского военного округа, — резко активизировались националистические элементы на всей территории Северного Кавказа, в особенности в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском и Советском районах Чечни». С тревогой отмечалось, что основная масса местного населения не желает участвовать в войне против немецких захватчиков. Это выразилось в том, что под влиянием таких настроений две трети мужчин, подлежащих призыву, уклонились от него. Звучали также заявления, что если в войну вступит Турция, то всё русское население будет вырезано. Мужчины уходили в горы, где создавали банды, численность которых доходила до 600–700 человек. Нередкими были случаи, когда уже призванные в армию жители ряда республик Кавказа с оружием уходили в горы и вливались в эти отряды. Руководили бандами, как правило, бывшие партийные или государственные работники из местных органов власти, были среди них даже сотрудники НКВД.

В феврале 1942 г. в Шатое и Итум-Кале поднял мятеж бывший прокурор Чечено-Ингушетии Майрбек Шерипов, который объединился с действовавшей в этих местах бандой Хасана Исраилова.

Были созданы объединённый штаб и повстанческое правительство. В июле того же года сепаратисты приняли воззвание к чеченцам и ингушам, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство взамен признания независимости Кавказа.

Присутствие националистических банд создавало благоприятные условия для диверсионно-террористической деятельности в регионе. Уже в июле 1941 г.

немецкое командование стало разворачивать здесь сеть разведывательных и диверсионных школ, где готовились диверсанты исключительно для Северного Кавказа. Для пополнения этих школ в лагерях военнопленных инструкторы полка специального назначения «Бранденбург-800» начали вербовку выходцев с Кавказа. Формировались целые роты из представителей коренного населения этого региона. Осенью 1941 г. в лагере «Штранс» было сформировано специальное воинское подразделение — батальон «Бергман» («Горец»), предназначенный для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал 1,5 тыс. человек и был разбит на пять рот. 1-я и 4-я были укомплектованы грузинами; 2-я — карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами; 3-я — азербайджанцами; 5-я — армянами. К осени при батальоне были сформированы два кавалерийских эскадрона. В июле 1942 г. батальон «Бергман» прибыл в Таганрог, где 1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока, 2-я рота — 13-й танковой дивизии в районе Майкопа, 4-я рота дислоцировалась в районе Эльбруса. Из личного состава 2-й и 4-й рот были назначены бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача по захвату Военно-Грузинской дороги. Кавалерийские эскадроны действовали также в тылу советских войск в долине реки Баксан.

Подразделения специального назначения перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники. Одной из таких групп под видом отходящих раненых красноармейцев удалось захватить мост в районе Майкопа. Кроме того, все роты проводили операции по захвату «языков», разбрасывали листовки за линией фронта, выступали по радио с призывами переходить к немцам.

Две трети полка (позднее — дивизии) «Бранденбург-800» с лета 1942 г. были также задействованы в боях на Северном Кавказе. В штатах 4-го батальона в июле 1941 г. была развернута, но готовилась отдельно, особая группа капитана Ланге, условно именованная «предприятие Ланге». Этот лагерь среди агентов был известен под названием «Кавказский

орёл». Подчинялась команда непосредственно отделу Абвер-2 управления «Абвер-заграница». Агенты были сведены в три учебные группы (30–35 человек) по принципу землячества.

В конце июля 1942 г. группа агентов — адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев и черкесов под командованием фельдфебеля Морица была переброшена в район Майкопа. Спустя месяц группа капитана Ланге в количестве 30 человек, укомплектованная главным образом чеченцами, ингушами и осетинами, была переброшена в районы селений Чишки, Дачу-Барзой и Дуба-Юрт Атагинского района для проведения одной из наиболее масштабных по замыслу абвера диверсионной акции по захвату нефтяных месторождений и нефтеочистительных заводов в Майкопе и Грозном. Операция получила название «Шамиль». Диверсионная группа состояла из переодетых в советскую военную форму немецких солдат и агентов из числа военнопленных (в соотношении 1:2). Обучение проводилось в специальном лагере. Заброска парашютистов состоялась примерно за 3–8 дней до ожидавшегося наступления германских войск.

Всего во время войны различными германскими разведывательными органами на территорию Чечено-Ингушской АССР было заброшено 8 парашютных групп общей численностью 77 человек: 5 групп общей численностью 57 человек — в июле-августе 1942 г. и 3 группы численностью 20 человек — в августе 1943 г.

Немецкое военное командование и разведывательные органы ставили перед забрасываемыми агентами-парашютистами и разведчиками достаточно конкретные задачи:

- создать и максимально усилить повстанческие формирования, чтобы отвлечь на себя части действующей Красной армии;
- перекрыть важные для продвижения Красной армии дороги;
- провести ряд диверсий;
- совершать террористические акты и т. п.

В летнем наступлении 1942 г. германское командование поставило перед диверсионной частью абвера («Бранденбург») задачу оказать помощь действовавшим на южном крыле советско-германского фронта немецким войскам и одновременно установить связь с бандформированиями, действовавшими на Кавказе.

Перенос линии фронта на территорию Северного Кавказа и появление там фашистских войск вызвало новый всплеск антисоветских и антироссийских настроений среди горцев. Участились нападения на отдельные воинские подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на предприятиях, коммуникациях и линиях связи. Немецкая агентура пыталась координировать действия местных повстанческих отрядов, а также провоцировать в тылу Красной ар-

мии вооружённые выступления против советской власти. С этой целью распространялись немецкие листовки, в которых народам Кавказа обещали передать извечно спорные земли их соседей. В листовках систематически напоминалось об обидах столетней давности, причинённых русскими. Чеченцев призывали уничтожить «русских захватчиков» и помогать «Великой Германии». Противник рассчитывал на так называемый «кавказский эксперимент», суть которого сводилась к организации всеобщей борьбы населения Кавказа с советской властью. Используя национально-бытовые особенности населения Чечни, повстанцы угрозами и распространением слухов о неизбежном поражении СССР спровоцировали вооружённые выступления против советской власти, произошедшие в разное время в период с 28 октября по 8 ноября 1941 г. Однако своевременные действия НКВД и властей позволили ликвидировать эти выступления достаточно быстро. Часть их участников вернулась в свои селения, а большинство, в том числе организаторы и руководители, скрылись в горах и перешли на нелегальное положение.

Наиболее активно бандформирования и террористические группы действовали на Северном Кавказе в 1942 г. Так, только на территории четырёх районов Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР (Дербентско-Табасаранского, Кайтакского, Хивского и Касушкентского) в сентябре 1942 г. насчитывалось 33 бандгруппы численностью до 500 человек. Население этих районов оказывало бандитам материальную помощь и укрывало их. С немецких самолётов для них сбрасывались оружие и имущество, что доказывает связь бандформирований с германскими войсками. Абвер и РСХА всячески подталкивали эти группы к активным действиям, понимая, что для борьбы с ними в горных условиях советская сторона должна будет перебросить с фронта значительные силы и средства.

Советское командование для охраны своего тыла было вынуждено проводить специальные операции, к которым привлекались значительные силы. Оперативные документы тех лет свидетельствуют, что в различные периоды обороны Кавказа в борьбе с бандитизмом участвовали также и войсковые формирования, снятые непосредственно с фронта, в частности 242-я горнострелковая, 347-я и 317-я стрелковые дивизии Закавказского фронта, 28-я запасная стрелковая бригада, Орджоникидзевская дивизия НКВД, практически все военные училища, расположенные на территории Закавказского фронта. Задачи по борьбе с бандгруппами выполняли также 44-я и 28-я армии.

Таким образом, на Кавказе советским войскам приходилось воевать на два фронта, поскольку удара можно было ожидать не только со стороны немцев, но и с тыла, со стороны местного населения. О том, какую опасность представляли банды в тылу наших войск, свидетельствуют следующие факты: 27 июля 1942 г. резервная рота 66-го полка попала в засаду

в районе горы Кур-Кумас и была блокирована бандой. Только через четверо суток с помощью прибывшего 114-го полка войск НКВД роте удалось вырваться из мешка. Одна из крупных банд в январе 1944 г. сковала выдвижение целой стрелковой дивизии, которая горной дорогой шла в район Нальчика. Постоянными были обстрелы колонн войск, передвигавшихся по горным дорогам, нападение на железнодорожные составы, угоны скота, террор.

В августе 1942 г. объединённые бандгруппы Бадаева, Магомадова и другие в количестве 1,5 тыс. человек окружили районный центр Итум-Кале и находившийся там небольшой гарнизон советских войск, попытавшись захватить власть в этом горном районе. Принятые органами НКВД агентурно-оперативные и войсковые меры позволили это восстание подавить. Часть его руководителей были ликвидированы или задержаны. Однако и после этого активность бандформирований не угасла.

Анализ документов свидетельствует, что главными методами бандформирований были терроризм, беспокорящие действия и насильственные акции, в которых использовались факторы внезапности. Они проводились стремительно, тщательно и заблаговременно готовились, а после их завершения участвовавшие в них отряды максимально рассредоточивались. Последний приём давал ощутимые результаты даже в масштабе всего движения, но особенно эффективным он оказался для мелких отрядов и повстанческих очагов.

При этом в открытый бой бандформирования вступали только на хорошо известной им местности, и лишь обладая явным преимуществом. Небольшие войсковые подразделения истреблялись из искусных засад, внезапными и стремительными налётами, неизменно преследуя цель захвата оружия, военного имущества и продовольствия.

Особой подготовки требовал уход всей банды или части её в подполье. В этом случае члены формирования временно прекращали открытую деятельность, а отдельные участники банды переходили на нелегальное положение. Основной целью таких действий было стремление уберечь всю банду от разгрома в неблагоприятной для активных вооружённых действий ситуации. Такая тактика применялась и после нанесённого по базе и самой банде удара. Тогда её остатки уходили в подполье, чтобы сохранить силы, провести доукомплектование, пополнить арсенал и затем продолжить свою подрывную деятельность.

Сильным элементом тактики бандформирований являлась разведка. С этой целью организовывалось постоянное наблюдение за коммуникациями,

прослушивание линий связи. Особое место в организации разведки занимала работа с местным населением. Поддержанию связи с ним руководители бандформирований уделяли наибольшее внимание, поскольку это являлось важнейшим условием существования банд: население не только укрывало и снабжало их продовольствием (зачастую вынужденно), но и служило потенциальным резервом бандформирований.

Что касается советской стороны, то характерной тактикой борьбы с незаконными вооружёнными формированиями на Северном Кавказе в то время была не полная ликвидация, а вытеснение обнаруженных банд в горы и рейды по районам, где были обнаружены вооружённые группировки. Эта тактика сочеталась с оперативной и агентурной работой органов НКВД. К явным недостаткам действий советских войск можно отнести практику вытеснения противника в горы, слабое знание местности и плохую организацию разведки. Немаловажным являлось и то, что Красная армия, в отличие от повстанцев, не пользовалась поддержкой большинства местного населения. В результате действия по ликвидации бандитизма в целом ряде районов в 1942 г. не дали ожидаемых результатов. Банды, действовавшие там, были рассеяны, но не уничтожены. Уроки из опыта борьбы с бандформированиями извлекались, что называется, на ходу*.

В результате поражения немецких войск на Кавказе снабжение бандформирований оружием и материальными средствами резко ухудшилось, а затем и вовсе прекратилось, что стало сдерживающим фактором для роста повстанческого движения на Северном Кавказе. Успешные действия армии и НКВД против бандформирований, предпринятые в 1942–1943 гг., позволили уничтожить основные силы повстанцев. К концу 1944 г. все крупные банды в регионе были ликвидированы или рассеяны. Однако борьба с их остатками продолжалась и после войны.

Для пресечения деятельности бандформирований советское руководство решило одним ударом максимально сузить социальную базу повстанчества. В конце 1943 — начале 1944 г. органы НКВД по распоряжению Сталина провели поголовную депортацию ряда северокавказских народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев) из мест их постоянного проживания в отдалённые районы Средней Азии и Казахстана (всего было выселено 581 644 человека). Однако эта масштабная, бесчеловечная и откровенно репрессивная акция не решила проблемы бандитизма на Северном Кавказе.

* Так, в результате операции, проведённой советским командованием осенью 1942 г., в течение боя 2–3 октября основная часть обнаруженной бандгруппы была уничтожена. Противник потерял более 150 человек убитыми, а более 230 были захвачены в плен. В ходе прочёсывания лесных массивов удалось разгромить 8 бандитских штабов, в том числе и те, которые поддерживали связь с немцами и возглавлялись кадровыми немецкими разведчиками. Это стало возможным благодаря грамотным действиям советских командиров, которые не стали вытеснять противника, а фланговыми ударами расклекли группировку, блокировали разрозненные группы и прочесали местность, не позволив противнику безнаказанно уйти от преследования.

Большинство граждан северокавказских республик пострадали незаслуженно, а уклонившиеся от выселения и возмущённые жестокими репрессиями перешли на нелегальное положение и ушли в горы, пополнив ещё не ликвидированные на февраль 1944 г. бандформирования. Массовая депортация северокав-

казских народов поставила под сомнение легитимность борьбы с бандформированиями и обострила и без того сложные межнациональные отношения в регионе. Более того, в последующем именно эта акция стала одним из основных факторов дестабилизации внутривнутриполитической ситуации на Северном Кавказе.

Фоменко Александр Владимирович, директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий развития Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ)

Пересмотр итогов Второй мировой войны и проблема коллаборационизма: внешнеполитический аспект

Отношение западных стран, и особенно западных стран континентальной Европы, ко Второй мировой войне всегда отличалось и будет отличаться от нашего отношения к Великой Отечественной по нескольким причинам.

Очевидно, что действительно страшным испытанием для Европы стала Первая, а не Вторая мировая война. Для европейцев была Великой войной именно война 1914–1918 гг. Вторая мировая велась со страшными разрушениями и с нечеловеческим напряжением сил лишь на Восточном фронте. И только два государства — Советский Союз и германский рейх — заплатили по всем её счетам. И потому сегодня День Победы вне границ России и СНГ имеет непререкаемо большое значение лишь для Израиля.

Вооружённое сопротивление Гитлеру в Европе, в силу разных причин, носило вполне локальный характер: ни одно из государств континента не смогло или не захотело тогда меряться силами с Германией. И наше — русское и советское — отношение к этой войне не могут разделять граждане тех стран, для которых материальные бедствия войны сводились лишь к отсутствию кофе в свободной продаже. И это не преувеличение: именно так обстояло дело в либо оккупированной, либо контролируемой нацистами Западной Европе. Так, присутствие немецкого оккупационного гарнизона в Париже в начале 1940-х гг. не помешало ни выступлениям популярных французских шансонье, вроде Мориса Шевалье, ни творчеству представителей высокой культуры, вроде Жана Кокто.

Попытки пересмотреть итоги этой войны предпринимались и раньше, например в США, когда почти сразу после её окончания было принято решение о начале жёсткого противостояния с СССР — недавним союзником по антинацистской и антимилитаристской коалиции. В проводившихся в ходе «холодной войны» психологических операциях исторические факты были лишь материалом для создания обеими сторонами нужных им *идеологически верных* (на Западе говорят — *политически корректных*) образов.

В результате взаимных усилий к началу 90-х гг. прошлого века граждане СССР имели слабое пред-

ставление о степени ожесточённости японо-американской войны на Тихом океане, а граждане США и стран-сателлитов были уверены в том, что и немцев, и японцев разбили именно американцы при некотором участии англичан. Правда, дальнейшего занижения степени и значения участия в той войне Советского Союза и его армии дело тогда не пошло (конечно, не на официальном уровне, а *лишь* в средствах массовой информации). Ибо любой намёк на оправдание действий нацистской Германии (в духе современных Таллина или Львова) неизбежно ставил под сомнение роль самих англосаксонских *солдат-освободителей*, пришедших в Западную Европу в 1944–1945 гг.

Все существующие на современном Западе политические режимы легитимизированы именно былой победой *коалиции демократических наций*. Но историческое значение и политический смысл майской Победы 1945 г. для великих западных держав — США, Великобритании с её доминионами, Франции, Германии, как и для большинства остальных стран Европы, — различны.

Для Лондона — это последняя славная страница истории Британской империи, ибо уже через несколько лет, в 1949 г., после признания независимости Индии эта империя прекратила своё существование.

Для Вашингтона — это символ окончательного обретения геополитического наследия Британии и начало полномасштабного военно-политического присутствия в Европе.

Для Парижа — это подтверждение факта возвращения Франции в клуб великих держав после поражения 1940 г. и оккупации немцами половины собственной территории.

Для Берлина — это начало новой, уже не прусской, а европейской, посттоталитарной истории Германии, идейная основа её современной либеральной государственности.

А для других европейских столиц, не притязающих на статус мировых, происшедшая после мая 1945 г. смена правящих режимов во всех не бывших нейтральными европейскими странах стала либо подтверждением неполной суверенности этих стран внутри западного мира, либо началом периода

столь же неполной суверенности внутри «социалистического лагеря». Эти страны с того момента стали лишь объектами, но никак не субъектами мировой истории.

Предпосылки для попыток пересмотра итогов Второй мировой войны были заложены ещё двадцать лет назад, в середине 1980-х гг., когда горбачёвский СССР согласился с воссоединением Германии. Именно тогда дальнейшее существование *ялтинско-потсдамско-хельсинкской* системы впервые было поставлено под сомнение. Хотя даже после вхождения ГДР в ФРГ эрозии этой системы вполне можно было избежать.

Однако после распада СССР и не только фактического перекраивания границ в Европе, но и перестройки всей мировой политической архитектуры, трудно было сохранить в неприкосновенности само идеологическое обоснование старой системы — мифологему о *союзной* победе во Второй мировой войне. Сегодня Западная Европа внутри своих старых границ всё ещё продолжает по инерции поддерживать оставшиеся от времён Хельсинкского совещания идеологические клише, а ОБСЕ делает всё, чтобы доказать неизменность старого курса. Тем не менее после агрессии стран НАТО против Югославии и последующего отторжения от Сербии её провинций Косово и Метохии эрозия старого мира стала уже необратимой.

Нужно иметь в виду, что, хотя правящие круги на Западе и вспоминают сегодня о победе над нацистами, делают они это иначе, чем мы.

Если мы как страна в будущем хотим добиться от европейских институтов каких-то дисциплинирующих действий в отношении некоторых новых членов ЕС, то нам явно не следует жаловаться в Брюссель на поведение всяких политических хулиганов.

Учитывая, что генерал Ш. де Голль, придя в 1944 г. к власти, отправил на казнь действительно великого поэта Робера Бразийяка, в общем-то, именно за его *предпочтение* Гитлера Сталину, понятно, какую судьбу он мог бы уготовить какому-нибудь корсиканскому или эльзасскому Степану Бандере.

Совершенно очевидно, что сегодняшние ссылки наших политических и государственных деятелей на мифологию «антигитлеровской коалиции» не имеют для их западных собеседников большого смысла. Вашингтон и Брюссель сегодня мало волнуют события в Ялте и Потсдаме: времена «Большой тройки» давно канули в Лету. Континентальную Европу явно не греют воспоминания о том, как прибывшие из-за океана или из-за Ла-Манша англосаксы (американцы и британцы) за столом переговоров с русскими коммунистами, но без остальных европейцев, определяли судьбу старого континента. Соединённым Штатам

тоже гораздо более приятна новейшая мифология их победы в «холодной войне»* вместе с нынешними западноевропейскими союзниками, нежели историческая реальность Ялты и Потсдама.

Сегодня политика России в области «мягкой силы» должна уступить место политике активной, инициативной. Реакция на те или иные попытки враждебной нам интеллектуальной ревизии итогов Второй мировой войны может иметь смысл только в качестве дополнения к нашим собственным починам в этой сфере. В «войне интерпретаций» следует тратить силы и время на правильную формулировку своих вопросов, предлагая вниманию Парижа, Лондона и Брюсселя соответствующую «ревизию» официальной западной интерпретации истории Второй мировой, а не на поиски нужных ответов на чужие вопросы.

Необходимо при каждом удобном случае напоминать Брюсселю и Парижу о содержании тех страниц европейской военной истории, к которым по воле победителей все послевоенные десятилетия не принято было привлекать излишнего внимания. (В Бельгии, например, сегодня публично даже не упоминается факт участия бельгийских добровольцев пехотной дивизии СС «Валлония» под командованием Леона Дегреля в боях на Восточном фронте, в частности в Эстонии.)

Мы должны поставить «старых европейцев» перед необходимостью определиться, должны ли они сегодня солидаризоваться с духовными потомками тех ветеранов Второй мировой, которые воевали за установление в Европе «нового порядка», или можно обойтись привычными клятвами в вечной дружбе с народами стран антигитлеровской коалиции.

Стоит нам лишь начать публичное обсуждение с западными коллегами неприглядных для западных стран фактов, и мы достаточно скоро почувствуем снижение градуса «войны интерпретаций», поскольку обращение к многогранной теме взаимоотношений Европы и гитлеровского нацизма — весьма неудобно для правящих либеральных европейцев всех стран, даже тех, которые в 1945 г. оказались на *правильной* стороне, на стороне англосаксонско-советских победителей.

Учитывая тот факт, что о наших чувствах Париж и Лондон сегодня особенно не заботятся, нам тоже не следует осторожничать. Впрочем, и нам тоже придётся расстаться с некоторыми историческими иллюзиями и штампами, ставшими привычными за прошедшие после войны десятилетия. Во-первых, мы, не вдаваясь в теоретические и практические различия между версиями европейского антилиберального и антикоммунистического национализма, называли всех без исключения врагов коммунизма и либерализма «фашистами», подразумевая при этом

* К сожалению, мы не очень настойчиво противостояли этой версии роковых событий рубежа 1980–1990 гг. Хотя, между прочим, Горбачёв в Рейкьявике, собственно, не «капитулировал», а закончил «холодную войну» на весьма почётных условиях. Всё, что происходило внутри бывших советских границ потом, после смещения Горбачёва Ельциным и роспуска СССР, относится к нашей внутривнутриполитической, а не военно-дипломатической истории.

немецких национал-социалистов. Хотя разница между католическими корпоративистскими режимами доктора Салазара и генерала Франко, с одной стороны, и революционно-прогрессистскими проектами известного социалиста Бенито Муссолини и не менее известного национал-социалиста Адольфа Гитлера — с другой, огромная. Да и между фашистским режимом Муссолини, явно не симпатизировавшего немцам и идеологически чуждого каким-либо расовым мотивам, и режимом Гитлера различий было не меньше, нежели между двумя течениями ислама — суннитским и шиитским. Так, в июле 1943 г. именно Высший совет фашистской партии Италии проголосовал за отставку Муссолини (и некоторые его заслуженные члены, например Де Боно, заплатились за это головой*). В итоге Итальянское королевство в сентябре того же года замирилось с антигитлеровской коалицией, а 13 октября даже объявило войну Германии.

Во-вторых, в СССР неумеренно прославляли «всеевропейское движение Сопротивления» против нацизма, вне всякой связи с исторической реальностью придавая ему слишком большое значение. А ведь так называемое *Сопротивление* в странах старой Европы носило вполне локальный характер, воздействие его на военную машину Берлина было ничтожно малым. Более или менее масштабное партизанское движение существовало лишь на территории Сербии, а в рядах союзных армий против Гитлера воевали лишь поляки (в гораздо большем числе, нежели официальные победители — французы де Голля).

Славные легенды о французских коммунистах — героях антигитлеровского Сопротивления должны были, в частности, скрыть один бесспорный факт: люди Мориса Тореза в 1940 г. были «пораженцами», выступавшими против войны своей страны с нацистской Германией — тогдашним союзником советских коммунистов. Лишь после 22 июня 1941 г. французские коммунисты и нацисты оказались по разные стороны фронта.

Как в Париже, так и в Москве, Лондоне и Вашингтоне в послевоенные десятилетия предпочитали не вспоминать и о том, как именно появился на свет и что представлял собой известный «вишистский режим». Надо сказать, что национального героя Франции маршала Филиппа Петена (победителя битвы под Верденом) законно избранный французский парламент в 1940 г. с соблюдением необходимых формальностей наделил полномочиями главы *Французского государства*. Маршал был законным главой именно Французского государства, а не какого-то «режима Виши», и в глазах антигитлеровских союзников (как минимум до 1942 г., пока не разорвал отношения с ан-

гლოსаксами из-за их вторжения на территорию французской Северной Африки), и в глазах большинства французов (до осени 1944 г.).

Французское государство, возглавляемое маршалом Петеном, не *капитулировало* перед Германией: военные действия на французо-немецком фронте были остановлены после подписания простого *перемирия* между Парижем и Берлином. И условия этого перемирия были много легче условий известного Брестского мира, заключённого в 1918 г. большевиками (Франции удалось при этом даже сохранить свою огромную колониальную империю).

Глава Французского государства (кстати, как и вождь Испании — генерал Франко), несмотря на давление Германии, так и не объявил войну ни США, ни СССР, т.е. фактически не был союзником Гитлера. Берлин должен был довольствоваться возможностью использовать на Восточном фронте части французских добровольцев из дивизии СС «Карл Великий»**.

Вообще говоря, граждане стран западной Европы вступали в ряды добровольцев «Ваффен СС» в гораздо большем количестве, нежели в ряды Сопротивления. В боевых частях СС этнических немцев было меньше, чем добровольцев из других европейских стран. Даже некоторые идеалистически настроенные представители нейтральных государств Европы вступали в ряды СС и отправлялись на Восточный фронт. Слава Богу, и к счастью для нас, число этих «пассионарных» адептов панъевропейского проекта Гитлера и Гимmlера измерялось сотнями тысяч, а не десятками миллионов.

Европейский коллаборационизм — это отдельная большая тема истории Второй мировой войны. И мы знаем о ней гораздо больше, чем, например, о мучениях и лишениях так называемых «перемещённых лиц», уже после войны миллионами покидавших места своего довоенного проживания или изгнанных отсюда не только советскими коммунистами, но и не советскими либералами-антикоммунистами.

Но история историей, а сегодняшняя политическая реальность Европы вовсе не предполагает пересмотра основополагающей для послевоенного ооновского миропорядка идеологии, даже если в войне *демократических наций* против нацизма и фашизма не всё было так просто, как утверждала пропаганда союзников — американская, британская и советская. И если даже относиться к ней по примеру известного немецкого историка Эрнста Нольте как к всеевропейской *гражданской* войне, то это вовсе не значит, что сегодня непременно нужно героизировать воинов Гая Мариа, проигравшего в начале I в. до Рождества Христова гражданскую войну Луцию Корнелию Сулле.

* Когда Муссолини, освобождённый из-под ареста немецкой группой специального назначения под командованием Отто Скорцени, попытался вернуться к власти на немецких штыках, создав на севере Италии так называемую *Республику Сало*, то с попавшими ему в руки бывшими соратниками, отказавшими ему в доверии, он поступил, так сказать, по законам военного времени.

** Ни в Москве, ни в Париже, ни в Берлине никогда не вспоминали о том, что воинским подразделением, до последней капли крови защищавшим рейхсканцелярию от наступающих советских частей, была именно рота этой дивизии СС.

Известно, что и в более ясных, как с моральной, так и с юридической точек зрения, случаях исторические изыскания и оценки не могут приводить и не приводят к пересмотру оценок политических. В пору американской Войны за независимость, например, десятки тысяч британских колонистов сохранили верность короне и заплатили за это, подвергшись беспощадным репрессиям после победы сепаратистов. Оставшись верными своему королю и своему государству, с современной точки зрения они пострадали совершенно безвинно. Но никакое правительство США не сможет позволить себе сомневаться в юридической и политической правоте Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона.

Сегодня нам можно быть вполне откровенными в освещении всех без исключения трудных тем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В том числе и темы русского и советского коллаборационизма. Нет таких тем, обсуждение которых может быть неудобно для нашей страны — не только правопреемницы СССР, но и наследницы Российской империи. Нет никаких причин объявлять деятельность разного рода русских и советских коллаборантов альтернативой тому антигитлеровскому сопротивлению, в котором объединилось безусловное большинство как советских граждан, так и русских антисоветски настроенных эмигрантов.

Понятно, что в условиях войны недопонимание природы гитлеровского режима и его отношения к нам, русским, можно было объяснять разного рода обстоятельствами, *бедствиями войны*, но сегодня эти объяснения неприемлемы. Смешно рассуждать о *борьбе с коммунизмом, а не с Россией* применительно к всеевропейскому походу против СССР в 1941–1945 гг.

Очевидно, что национал-революционер Гитлер не готовил для России никаких реставрационных проектов, а любой антикоммунистический проект неизбежно реставрационен, хотя бы по форме.

Сегодня можно только сожалеть о политической и человеческой наивности, с которой на «антикоммунистическую» идейную приманку клюнули многие европейские антикоммунисты, русские белоэмигранты и бывшие советские граждане, сотнями тысяч служившие как в немецких вооружённых силах, так и в различных этнических формированиях на стороне нацистов. Зимой и весной 1945 г. они вряд ли вступали в РОА и тем более шли в бой из простой трусости или каких-либо подобных чувств. Видимо, степень ненависти к режиму превышала у этих людей все возможные пределы, и можно только догадываться, какие события в их семейных историях и истории их страны послужили причиной этой ненависти. То, что в 20-е и 30-е гг. прошлого века советский режим сделал с подвластным ему народом, мы до сих пор не можем до конца понять. Похоже, никогда народы Российской империи не испытывали к своим правителям таких чувств, какие испытывали в 1920-е

или 1930-е гг. народы СССР. Если в 1914 г. латыши верноподданнейше просили Государя даровать им возможность создать национальные части латышских стрелков для борьбы с германской армией, то в 1941 г. национальные латышские части формировались уже и на немецкой стороне, в рядах «Ваффен СС». Если в 1916 г. Государь благодарил за военные подвиги на австрийском фронте *своих славных ингушей и чеченцев*, добровольно вступавших в русскую армию, то в 1944 г. маршал Сталин депортировал тех же горцев из родных мест, не будучи удовлетворён степенью их лояльности советскому режиму.

Весьма показательна в этом смысле судьба «белого» коллаборанта, видного русского писателя и героя Первой мировой войны генерала П. Н. Краснова. В 1941–1945 гг. он решил продолжить свою собственную Гражданскую войну с «красными», хотя якобинцев к тому времени уже вымели из Кремля корсиканской метлой, и из разнородного революционного сброда уже вырастали будущие сталинские маршалы.

Нужно признать фундаментальную разницу в юридической и моральной ответственности, так сказать, «белых» и «красных» коллаборантов. Ибо тот же Краснов, в отличие от Власова, определённо не предавал «нашу Советскую Родину» ни в 1941, ни в 1945 году. Присягу он давал в своё время государю императору, а не Советскому правительству. (С вполне февралистски настроенным семинаристом-коммунистом Власовым реакционер и казак Краснов, кстати, решительно не захотел иметь дела.) Поэтому Краснова можно было, в соответствии с нравами Гражданской войны, убить как политического врага советского режима, воевавшего на стороне тогдашнего противника, его можно осуждать за шашни с нацистами, но его, в отличие от Власова, не за что было судить советским судом.

С холодно-исторической точки зрения можно согласиться с тем, что у бойцов Русского корпуса генерала Штейфона, воевавшего в Югославии против коммунистических партизан Тито, как и у казаков Краснова и фон Паннвица, была своя правда в той войне. Но это совсем не отменяет того бесспорного факта, что своя правда была и у генштабистов Шапошникова, и у солдат Рокоссовского (тот и другой, кстати, были офицерами ещё царского производства). Эта-то историческая правда Шапошникова (а не Краснова) и победила в 1945 году.

Русскую судьбу в XX в. можно действительно считать трагической, потому что в высоком жанре трагедии все протагонисты правы, но итог трагедии — катастрофа. В отличие от драмы, где всем ясно — кто герой, а кто злодей. Но недаром ведь драма считается мещанским жанром. А Эсхил, Софокл и Еврипид — это что-то иное, бесконечно более высокое.

На чём нам действительно стоит настаивать в разговорах с бывшими союзниками по Второй мировой, так это на том, что последствия «мягкого» пересмотра её итогов, хотя и не столь уж очевидны

сегодня, но вполне угрожающе для существующей системы международных отношений. Это не всегда учитывают как в Риге и Таллине, так и в Вашингтоне, Париже и Лондоне.

Год 1945-й был не только годом военного торжества либерализма и коммунизма, но и годом военного поражения идеи этнического и расового национализма. Многонациональные имперские миры Вены и Петербурга, разрушенные под аккомпанемент мантр о «самоопределении» народов, были отмыты. Далеко не случайно те восточноевропейские политики, кто попробовал пересмотреть итоги Второй мировой и дать новую жизнь старым политическим проектам националистического свойства (вроде новой усташской державы 90-х гг. — Хорватии), не смогли сделать этого, не пролив реки крови.

Год 1945-й был годом прекращения внутриевропейского соперничества и противостояния, собственно, и породившего в начале века весь кошмар второй Тридцатилетней войны 1914–1945 гг. Даже будучи зажаты между Москвой и Вашингтоном, европейские страны именно тогда поверх блоковых барьеров почувствовали, наконец, свою континентальную общность.

Пересмотр политических итогов европейской гекатомбы означает восстановление под тем или иным предлогом старой парадигмы внутривидового соперничества в отношениях между европейскими державами. Европа из-за прививки ей восточноевропейского антикоммунизма рискует потратить годы на «исторические» разборки. Ведь если Рузвельт, Черчилль и Сталин были неправы в мае 1945-го, то тогда всё возможно в 2010-м или 2015-м!

Важный для нас вопрос — избавление от советских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей победы во Второй мировой войне. Чтобы ощутить законную гордость за свою страну и свой народ, нам вполне достаточно сознания того, что это была *наша Великая победа в нашей Отечественной войне* и что в *такой* войне не мог добиться военной победы *никто, кроме нас*. Именно для нас и только для нас это была война на выживание. И именно мы нанесли военное поражение врагу на поле боя. Англы-американцы, канадцы и французы так никогда и не почувствовали, к счастью для них, что означают слова, выбитые на сталинских медалях: «За взятие...» (читай — Кенигсберга, Берлина, Вены и Будапешта)*.

В мире никто, кроме британцев, по большому счёту не был столь уж заинтересован в победе союзников.

Для большинства граждан США европейская война (в отличие от войны тихоокеанской) тогда представлялась не более необходимой, нежели ны-

нешняя иракская кампания. Тогдашние американские правые интеллектуалы, не только историки-ревизионисты, исходя из совершенно патриотических и консервативных соображений, оценивали действия администрации Ф. Рузвельта не менее жёстко, чем современные левые интеллектуалы оценивают действия администрации Буша-младшего. Поэтому американские исследователи могут десятилетиями обсуждать степень серьёзности причин и поводов для вступления их страны в войну как против Японии, так и против Германии.

Та часть населения британских колоний, которая тяготилась колониальным статусом и мечтала о деколонизации, явно предпочла бы победу нацистской Германии над колонизаторами из Лондона.

Иранские же интеллектуалы вряд ли радовались, что территория их страны в годы Второй мировой войны была оккупирована СССР и Британской империей и что без всякого спроса на их земле наша «Большая тройка» проводила свои встречи.

По схожим причинам националистически настроенные латиноамериканцы не особенно радовались победам североамериканских «гринго». А после войны именно в Латинской Америке укрывались бежавшие из Европы гитлеровцы.

Нам настолько привычно отмечать день 9 Мая как важнейшую дату нашего календаря, что удивительным кажется тот факт, что сам-то победитель Гитлера, генералиссимус Сталин, не считал необходимым превращать этот день в государственный и всенародный праздник, каким мы его знаем. Для него этот день был важнейшей вехой в истории страны (и, между прочим, день его личного торжества), но побеждённый в той войне враг был для него лишь побеждённым врагом, но никак не персонификацией мирового зла.

Для Брежнева, ветерана Великой Отечественной, эта война была главным в жизни событием, поэтому он и оказался в роли инициатора всенародного празднования в СССР Дня Победы. Вольно или невольно брежневская инициатива стала зримым выражением не столько сознательной *русификации*, сколько бессознательного и естественного *обрусения* коммунистического режима. И к тому же, если какое событие и могло служить основанием для разговоров о существовании *новой исторической общности людей — советского народа*, то это Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Сегодня, через два десятилетия после роспуска СССР, День Победы, пусть и на территории СНГ, ежегодно даёт повод для общих воспоминаний, повод говорить об исторически существовавшем единстве — *единстве судьбы*, и настаивать на сохранении

* Немецкий комендант 18-тысячного немецкого гарнизона Ла-Рошели, за время оккупации превращенной в неприступную твердыню, после высадки союзников в Нормандии получил из Берлина приказ оборонять город до последнего, а затем взорвать его. Вполне осознавая бессмысленность сопротивления, но не желая позорного плена без боя, он в октябре 1944 г. заключил с представителем правительства де Голля соглашение о «ненападении» и спустил флаг лишь 8 мая 1945 г. Это была — другая война.

этого (континентального по масштабам!) единства. Уже по одной этой причине (так сказать, волею истории) современный посткоммунистический Кремль просто обязан продолжать эту старую, начатую в начале правления генсека Брежнева, традицию. Вне зависимости от того, насколько велико всемирно-

историческое значение нашей победы в Великой Отечественной войне для глобализирующегося мира, для одной шестой части земной суши — территории Российской империи и СССР, 9 Мая — великий день. Значение его для нас нельзя переоценить.

Это — наш праздник.

¹ Квицинский Ю. А. Россия-Германия. Воспоминания о будущем. М., 2008.

² Фоменко А. В. Выход — был! Наследие Франца-Фердинанда // Международная жизнь. 2009. № 2–3.

³ Фоменко А. В. Прибалтика как русская проблема // Международная жизнь. 2008. № 5.

⁴ Russett B. M. No Clear and Present Danger. A Skeptical View of the United States Entry into World War II. New York, Hagerstown, San Francisco, London, 1972.

⁵ Stonor S. F. Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War. London, 2000.

**Кринко Евгений Фёдорович, доктор исторических наук,
заместитель директора Института социально-гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)**

Русские казаки по обе стороны фронта: окончательные акценты расставила война

С момента своего прихода к власти большевики осуществляли репрессивную политику в отношении казачества. Тяжёлым следствием Гражданской войны стала вынужденная эмиграция десятков тысяч казаков. А сотни тысяч оставшихся в России с 1918 г. и до начала 1930-х гг. подвергались физическому истреблению и выселению. «Расказачивание» и коллективизация, ограничения в военной службе и ношении традиционной одежды вели к ликвидации казачества как определённой социальной группы со своими моральными нормами, ценностями и образом жизни. Только в середине 30-х гг. прошлого века политика в отношении казачества стала меняться, и в составе Рабочее-крестьянской Красной армии (РККА) появились казачьи кавалерийские дивизии. Однако в 1940–1941 гг. большую часть кавалерийских частей расформировали, а их личный состав передали в танковые и механизированные войска.

К 22 июня 1941 г. в составе РККА действовало только одно соединение, носившее название казачьего — 6-я Кубано-Терская Чонгарская краснознамённая кавалерийская дивизия, входившая в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора М. П. Константинова. Находясь в первых эшелонах советских войск, части дивизии уже 22 июня противостояли соединениям вермахта, наступавшим в направлении Ломжи, а затем стали отходить на Белосток. Не имевшие никакого прикрытия с воздуха части дивизии попали под удар авиации противника, были отрезаны и уничтожены.

В ходе первых боёв Красная армия понесла значительные потери, что резко сократило манёвренность её частей и соединений. Поэтому в 1941 г. были сформированы 82 кавалерийские дивизии лёгкого типа, численностью примерно по 3 тыс. человек. Система подготовки кавалерийских частей, действовавшая во второй половине 1930-х гг. в тер-

риториальных формированиях, особенно в местах компактного проживания казачьего населения, позволила в короткие сроки при минимальных затратах сил и средств создать и отправить на фронт новые соединения. Только на Северном Кавказе летом 1941 г. было сформировано и направлено в действующую армию 17 кавалерийских дивизий. В связи с тяжёлой обстановкой свой боевой путь они начинали практически одинаково, отправляясь на фронт уже через 10–15 суток после начала комплектования. Обычно кавалерийские соединения вводились в прорыв на узком участке фронта и действовали в тылу противника, сковывая продвижение его моторизованных сил и нанося им ущерб.

Один из первых таких рейдов предприняла в июле 1941 г. в Белоруссии кавалерийская группа, сформированная из 32-й (под командованием полковника А. И. Бацкалевича), 43-й (комбриг И. К. Кузьмин) и 47-й (генерал-майор А. А. Сидельников) кавалерийских дивизий. В ходе ожесточённых боёв, натолкнувшись на сильное сопротивление врага и понеся большие потери, кавалерийская группа, тем не менее, свою боевую задачу выполнила, сковав 43-й немецкий армейский корпус севернее Мозыря и задержав продвижение 35-го армейского корпуса.

В Крыму действовали 40-я (под командованием полковника Ф. Ф. Кудерова), 42-я (полковник В. В. Глаголев) и 72-я (генерал-майор В. И. Книга) кавалерийские дивизии. А 62-я (полковник И. Ф. Куц), 64-я (полковник Н. В. Симеров) и 66-я (полковник В. И. Григорович) кавалерийские дивизии вошли в состав Южного фронта и приняли активное участие в оборонительной и наступательной операциях в районе Ростова. В состав кавалерийской группы генерал-майора А. Г. Селиванова, затем кавалерийской группы полковника Л. М. Доватора вошли 50-я (под командованием полковника И. А. Плиева) и 53-я

(комбриг К. С. Мельник) кавалерийские дивизии, которые участвовали в Смоленском сражении, а позднее — в битве за Москву. Из оренбургских казаков были сформированы 8-я гвардейская Ровенская казачья кавалерийская дивизия и ополченческая казачья дивизия (в Челябинске).

Всего в годы войны в Советском Союзе было сформировано более 70 казачьих частей и соединений, многие из них впоследствии стали гвардейскими. Казачья кавалерия сыграла определённую роль в отражении ударов вермахта в первый, самый сложный период войны. Казаки продемонстрировали умение наступать и обороняться, действовать как в конном, так и в пешем строю. Однако, не имея тяжёлого вооружения, их дивизии оказывались практически беззащитными перед налётами авиации противника и несли серьёзные потери. Поэтому большая их часть была расформирована, а их личный состав передан на комплектование других воинских формирований.

Наибольшую известность среди всех казачьих частей, созданных в годы Великой Отечественной войны, получил 17-й и сформированные на его основе 4-й и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса. Они комплектовались на добровольной основе из лиц непризывного возраста по принципу: одна сотня из района Ростовской области на одну сотню из Краснодарского края. По традиции казаки должны были явиться на призывные пункты в полном обмундировании, со всем необходимым снаряжением и на лошадях, выделенных колхозами. Однако казачье происхождение, как и в других советских казачьих частях, при этом не учитывалось: на службу принимали представителей разных национальностей, но не брали воевавших за «белых» и родственников репрессированных граждан, к которым власть сохраняла недоверие.

Первым был зачислен в кадровый состав Красной армии 17-й казачий кавалерийский корпус (4 января 1942 г.). В него вошли 12-я и 13-я Кубанские, 15-я и 116-я Донские казачьи дивизии. Командиром корпуса стал генерал-майор М. Ф. Малеев, позднее на этом посту его сменил генерал-майор Н. Я. Кириченко. Боевым крещением для казаков оказались бои в конце июля — начале августа 1942 г. с частями 17-й армии вермахта, наступавшими на Кубань с севера. Энергичные действия казаков на Северном Кавказе на фоне невыразительного сопротивления других советских частей заслужили высокую оценку командования. Ставка Верховного Главнокомандования поставила их в пример другим соединениям, указав командованию фронта: «Добейтесь того, чтобы все ваши войска действовали, как 17-й кавалерийский корпус».

Однако в условиях общего отступления корпусу пришлось отойти на юг, ведя упорные бои в горно-лесистой местности с мотомеханизированными частями противника. За проявленную доблесть 27 августа 1942 г. 17-й корпус был преобразован

в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. 12-я и 13-я кавалерийские дивизии стали соответственно 9-й и 10-й гвардейскими Кубанскими казачьими, 15-я и 116-я — 11-й и 12-й гвардейскими Донскими казачьими кавалерийскими дивизиями. Позднее, 20 ноября, был образован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А. Г. Селиванова, куда вошли 11-я и 12-я гвардейские Донские казачьи, а также 63-я кавалерийская дивизии. 4-й гвардейский корпус стал именоваться Кубанским, в его состав вошла 30-я краснознамённая кавалерийская дивизия. В 1943 г. кавалерийские корпуса объединили с танковыми частями в конно-механизированные группы, более отвечающие требованиям современной войны.

На территории казачьих районов были сформированы и другие части. В частности, на Кубани была создана 9-я гвардейская пластунская Краснодарская Краснознамённая дивизия под командованием генерал-майора П. И. Метальникова. Сталин держал эту дивизию под своим личным контролем, и использовать пластунов можно было только с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования. Как и другие казачьи соединения, пластуны имели соответствующее парадное обмундирование — тёмно-синюю черкеску с чёрной отделкой, красные бешмет и башлык. Но надевали их лишь во время смотров и в других торжественных случаях. Полевое обмундирование рядовых и сержантов состояло из казакина цвета хаки, а офицеры были одеты в общеармейские гимнастёрку или китель. От других частей пластуны отличались кубанкой, которую носили наряду с пилотками и фуражками общеармейского образца, а также кинжалами. С августа 1944 г. пластуны в составе 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта вели боевые действия на территории Польши, овладели важным узлом коммуникаций и крупным центром авиационной промышленности — городом Дембицы. В январе 1945 г. казачьи части прорвались к Висле и вошли в древнюю польскую столицу Краков, а затем перенесли боевые действия на территорию Германии. Завершилась война для пластунов 12 мая 1945 г. западнее Праги.

В целом в годы войны советское руководство изменило своё отношение к казачеству, признав его самостоятельным народом. Своёобразной демонстрацией этого стало участие представителей казачества Кубани, Дона, Терека и Сунжи в антифашистском митинге народов Северного Кавказа, проходившем 13 августа 1942 г. в Орджоникидзе. Создание казачьих частей стало следствием нового политического курса, направленного на единение всех народов страны в борьбе со смертельным врагом, и служило прямым подтверждением справедливости «ленинско-сталинской национальной политики».

Руководство Германии в годы войны также активно пыталось разыграть «казачью карту», получив поддержку части представителей казачьей эмиграции,

многие из которых испытывали ненависть к большевизму. При этом некоторые эмигранты связывали своё будущее с освобождением России от большевиков, другие придерживались идеи создания независимого казачьего государства. Лишь немногие признавали возможность компромисса с советской властью. Поэтому значительная часть эмигрантов восприняла нападение Германии на СССР с воодушевлением, ожидая скорого возвращения на родину.

Однако политические цели Третьего рейха не предусматривали ни сохранения единой России, ни создания на её месте новых независимых государственных образований. Первоначально Министерство по делам оккупированных восточных территорий планировало выделить населённую казаками территорию между Доном и Волгой в особый полуавтономный район, но вскоре отказалось и от этой идеи. Земли донских казаков предполагалось включить в состав имперского комиссариата «Украина», кубанских и терских — в состав комиссариата «Кавказ». Гитлер прямо утверждал: «Только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!» В силу этого участие эмигрантов в войне против СССР было признано нежелательным.

Ситуация изменилась уже к концу 1941 г., когда провал «блицкрига», немалые потери на фронте и подъём сопротивления на оккупированной территории вынудили немецкое командование пойти на создание вооружённых частей из граждан СССР различных национальностей. Казаки при этом рассматривались не только как прирождённые воины, но и как наиболее убеждённые борцы с большевизмом. Идеологическим основанием для привлечения казаков к военной службе на стороне Третьего рейха стала теория об их «арийском» происхождении, в соответствии с которой они считались потомками германского племени остготов, владевшего Причерноморьем во II—IV вв.

Гитлер разрешил использовать казаков для борьбы с партизанами и в боевых действиях на фронте как «равноправных союзников» 15 апреля 1942 г. Впрочем, первые казачьи части в составе вермахта по инициативе отдельных немецких командиров появились ещё осенью 1941 г. Первоначально создавались сравнительно небольшие подразделения — сотни и эскадроны — для охраны тыла действующей армии и борьбы с партизанами. Первую относительно крупную казачью часть — 102-й (затем — 600-й) дивизион, сформированный в Могилёве из военнопленных и насчитывавший 1,8 тыс. человек, возглавил донской казак и майор Красной армии И. Н. Кононов, добровольно перешедший на сторону противника в конце августа 1941 г.

Центрами формирования казачьих частей на Украине с лета 1942 г. стали лагеря в Виннице, Славуте и Шепетовке, куда направляли всех советских военнопленных, признавших себя казаками. Здесь был создан 1-й Атаманский полк под командованием под-

полковника барона фон Вольфа, затем ещё 13 полков и другие части. Вся служба в них, включая распорядок дня, была организована по образцу дореволюционных казачьих войск. Впрочем, «природных казаков» в них оказалось немного, большинство составляли военнопленные красноармейцы, назвавшиеся казаками для того, чтобы выжить и при удобном случае перейти на сторону советских войск. Кубанские полки действовали сначала на Украине, а затем в Белоруссии, охраняли железные дороги и другие военные объекты от нападений партизан.

Немецкое командование в Сербии в 1941 г. тоже разрешило создать из эмигрантов и их детей Русский охранный корпус для действий против югославских партизан. Он включал 1-й казачий полк под командованием генерал-майора В. Э. Зборовского.

Численность казаков в вермахте возросла летом-осенью 1942 г., когда немецкие войска оккупировали прежние казачьи территории — Дон, Кубань и Терек. Там воссоздавалось казачье самоуправление во главе со станичными и окружными атаманами, возродилась религиозная жизнь. На нижней Кубани был создан автономный казачий район, включавший территорию шести административных районов Краснодарского края с населением около 160 тыс. человек.

На созданные в кубанских станицах казачьи сотни возлагались задачи борьбы с партизанами и охрана различных объектов, некоторые впоследствии вошли в состав более крупных частей.

Из казачьих сотен, сформированных при 17-й армии вермахта, был создан полк, носивший имя героя Отечественной войны 1812 г. М. И. Платова и насчитывавший около 2 тыс. кубанских, донских, терских и уральских казаков. Полком командовал майор Томсен.

Активно участвовал на стороне оккупантов в битве за Кавказ казачий полк, сформированный в составе 1-й танковой армии вермахта и носивший имя своего командира, подполковника И. фон Юнгшульца. В эти и другие казачьи части вступали люди, не принимавшие советскую власть. Кроме того, германское руководство применяло различные методы вербовки. На оккупированной территории Краснодарского края семьям казаков, добровольно вступавших в вермахт, выдавали денежное вознаграждение в 500 руб. «Особо преданные» казаки зачислялись в разряд «нового казачества», представители которого получали дополнительный земельный надел из расчёта 1 га на человека и по 2 лошади на хозяйство, им также в два раза снижали налоги. Холостым казакам платили по 250 руб., женатым — по 300 руб. в месяц.

Существенное значение уделялось пропаганде, особенно в средствах печати. Специально для казаков, служивших в вермахте, издавались газеты «Казачья зоря», «Казачий клич», «Казачий вестник», «Казачий клинок», журналы «На казачьем посту» и «Казачья кавалерия». Военнопленным зачитывали приказ

№ 270 Ставки Верховного Главнокомандования, объявлявший их изменниками Родины, сообщали о победах вермахта, «захватах» Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Сочи, Тбилиси и других советских городов. Широко распространялись материалы о массовых репрессиях советского режима, о самобытности казачества, казачьих обычаях и православных обрядах, о необходимости совместной с германскими войсками борьбы против общего врага — большевизма.

К пропаганде активно привлекались эмигранты. Ещё в июле 1942 г. П. Н. Краснов составил проект обращения Гитлера к казакам, который лишь 10 ноября был опубликован за подписями Кейтеля и Розенберга. Германские руководители обещали казакам сохранение их самобытности, соблюдение прежних привилегий, неприкосновенность земельных угодий, а также обустройство казачьей жизни на востоке Европы в случае, если возвращение «на земли предков» будет невозможным. Лидеры эмиграции призывали казаков бороться вместе с немцами против большевиков, обещая создать казачье государство на Дону, Кубани и Тереке.

Тем не менее далеко не все жители оккупированных районов стремились вступить в казачьи части и воевать вместе с гитлеровцами. Поэтому немецкое командование использовало и принудительную мобилизацию, подвергая репрессиям всех, уклонившихся от неё, а также членов их семей. В целом части, сформированные из добровольцев в казачьих станицах и перебежчиков при германских полевых соединениях, оказались более надёжными, чем сотни и эскадроны из военнопленных.

Осенью 1942 г. командующий 1-й танковой армией, а затем группой армий «А» генерал-полковник Э. Клейст поручил полковнику Г. фон Паннвицу сформировать и возглавить казачью дивизию. Однако успешное контрнаступление советских войск в январе 1943 г. сорвало эти планы. Казакам, перешедшим на сторону Германии, пришлось спешно эвакуироваться с территории Северного Кавказа вместе с отступавшими немецкими войсками. С ними уходили члены их семей, а также все те, кто опасался восстановления советской власти. Впоследствии беженцы составили Казачий стан, который возглавил походный атаман С. В. Павлов, а после его гибели — Т. И. Доманов.

В апреле 1943 г. в польском городе Млау под командованием ставшего генерал-майором Г. фон Паннвица началось формирование 1-й казачьей дивизии. В неё вошли наиболее боеспособные полки под командованием Юнгшульца, Томсена и Вольфа, дивизион Кононова и другие части, сформированные по принадлежности к определённому войску. Дивизия состояла из двух конных бригад — 1-й Донской (1-й Донской, 2-й Сибирский, 4-й Кубанский полки) и 2-й Кавказской (3-й Кубанский, 5-й Донской, 6-й Терский полки), двух конно-артиллерийских дивизионов (Донского и Кубанского) и других подразделений. Все командиры полков, кроме И. Н. Кононова,

были немцами; в каждом эскадроне 12–14 хозяйственных должностей занимали немецкие солдаты и унтер-офицеры. Всего в дивизии насчитывалось 18,5 тыс. человек, в том числе 4049 немцев.

Хорошо говоривший на русском языке и прекрасно сидевший в седле фон Паннвиц поощрял в своём соединении соблюдение казачьих обычаев и церковных обрядов. Парадная форма была сшита по образцу казачьей: командир дивизии и другие высшие немецкие офицеры носили черкески с газырями, наборные пояса и папахи. В Млау были также сформированы учебно-запасной полк, унтер-офицерская школа и школа юных казаков для нескольких сотен подростков, лишившихся родителей.

Общее руководство всеми казачьими частями в вермахте осуществлял отдел добровольческих формирований при Главном командовании сухопутных войск Германии. В декабре 1942 г. при Министерстве по делам восточных оккупированных областей было создано специальное Казачье управление во главе с Н. А. Гимпелем, а в марте 1944 г. при нём возникло Главное управление казачьих войск (ГУКВ), которое должно было играть роль «казачьего правительства» в изгнании во главе с П. Н. Красновым. В него вошли походный атаман казачьих войск С. В. Павлов, кубанский войсковой атаман В. Г. Науменко, походный атаман Терского войска полковник Н. Л. Кулаков. ГУКВ занимался отбором казаков в лагерях военнопленных и восточных рабочих, их вербовкой в казачьи части вермахта, устройством казачьих семейств, стариков и инвалидов.

К этому времени участились случаи перехода военнотружущих коллаборационистских формирований на сторону советских войск, и в конце 1943 г. германское командование перевело большую их часть в Западную Европу. Во Франции казачьи части участвовали в охране Атлантического вала и в борьбе с югославскими партизанами. 1-ю казачью дивизию немецкое командование первоначально предполагало использовать на Восточном фронте, но изменившаяся обстановка заставила перебросить её в сентябре 1943 г. в Югославию. В междуречье Дуная и Тисы дивизия вела боевые действия против партизан, охраняла коммуникации и другие стратегические объекты. Благодаря своей манёвренности она оказалась лучше приспособлена к горным условиям Балкан и действовала более эффективно, чем немецкие пехотные и моторизованные дивизии. В течение лета 1944 г. части дивизии предприняли не менее пяти самостоятельных операций в горных районах Хорватии и Боснии, уничтожив целый ряд партизанских опорных пунктов.

В конце войны соединению Г. фон Паннвица пришлось сражаться против регулярных частей Красной армии. В декабре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта вышли в долину реки Драва, и германское командование выдвинуло навстречу им 1-ю казачью дивизию. В районе Вировитица, на правом берегу

Дравы, заняла плацдарм 233-я Кировоградско-Знаменская стрелковая дивизия. 26 декабря 2-я Кавказская казачья бригада при огневой поддержке шести миномётных и трёх артиллерийских батарей сумела смять боевые порядки 703-го полка. Чтобы избежать окружения, советские войска отошли, потеряв 205 человек убитыми, 145 красноармейцев попали в плен. В дальнейшем казаки продолжали удерживать фронт против болгарских войск и югославских партизан, затем с боями прорвались в Австрию.

Ещё в августе 1944 г. все иностранные национальные формирования перешли в ведение СС. Пополненная переброшенным из Франции казачьим полком под командованием Рентельна, казачьими батальонами из Польши и другими подразделениями дивизия 25 февраля 1945 г. была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС, что позволило улучшить её обеспечение оружием, боевой техникой и автотранспортом. Обе кавалерийские бригады были переименованы в дивизии, конно-артиллерийские дивизионы — в полки, а на базе 5-го Донского полка Кононова началось формирование Пластунской бригады из двух полков. Общая численность корпуса к этому времени достигла 25 тыс. солдат и офицеров, в том числе от 3 до 5 тыс. немцев.

В конце войны, стремясь использовать любую возможность, чтобы предотвратить надвигающийся крах, германское руководство пошло на объединение всех частей, сформированных из советских граждан, в единую Русскую освободительную армию во главе с генерал-лейтенантом А. А. Власовым. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось Учредительное собрание Комитета освобождения народов России (КОНР), в состав которого вошли действовавшие к тому времени национальные комитеты. Поскольку П. Н. Краснов выступил против такого объединения, в противовес ГУКВ в феврале 1945 г. были созданы Управление казачьих войск при КОНР и Совет казачьего войска, в который вошли полевые атаманы Донского, Кубанского и Терского войск, представители оренбургских, уральских, астраханских, сибирских, семиреченских, забайкальских, амурских и уссурийских казаков.

В марте 1945 г. в подчинение КОНР перешла группа генерал-майора А. В. Туркула, преобразованная в казачью кавалерийскую бригаду из трёх полков, во второй половине апреля — Казачий стан, 15-й корпус СС и учебный казачий полк А. Г. Шкуро. 22 марта 1945 г. атаман Науменко объявил о подчинении Власову кубанских казаков, а через два дня общеказачий съезд в Вировитице принял решение о немедленном подчинении КОНР всех казачьих войск, сосредоточении их в районе Зальцбурга и Клагенфюрта для создания казачьей ударной армии, отстранении всех несогласных с этим планом немецких офицеров и Краснова. Походным атаманом казаков впервые был избран иностранец — генерал-лейтенант фон Паннвиц.

К середине мая 1945 г. Казачий стан, 15-й корпус и некоторые другие части сосредоточились в долине реки Драва на стыке австрийской, итальянской и хорватской границ в Тирольских Альпах и сдались там англичанам. Первое время казаков содержали в относительно свободных условиях, отношение английских солдат к ним было подчёркнуто корректным. Однако по соглашению, подписанному в Ялте в феврале 1945 г., судьба казаков была уже предreshена. Сначала англичане разоружили их под предлогом выдачи нового оружия, затем арестовали генералов и офицеров, лишив казаков руководителей. После этого была проведена массовая депортация из долины Дравы.

Всего в казачьих частях на стороне противника в годы Великой Отечественной войны сражалось не менее 70–80 тыс. человек, из них примерно 50 тыс. составляли потомственные казаки. Весной-летом 1945 г. в СССР были насильственно репатриированы 50–55 тыс. казаков, включая не менее 3 тыс. эмигрантов, на которых Ялтинские соглашения официально не распространялись. Большинство оказалось в советских лагерях, часть по возвращении домой сразу расстреляли. В январе 1947 г. были казнены казачьи генералы П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов, Т. И. Доманов и Г. фон Паннвиц, а также черкесский князь, генерал К. Султан-Гирей. Таким образом, поражение Германии в войне стало поражением и для той части казачества, которая вольно или невольно связала свою судьбу с рейхом.